Военное детство

Ф. СЕМЯНОВСКИЙ

ПОВЕСТЬ О ФРОНТОВОМ ДЕТСТВЕ

Повесть о фронтовом детстве

Феликс Михайлович Семяновский

Аннотация
Феликс Семяновский. Повесть о фронтовом детстве
Часть первая. Наши
  Глава первая. Разведчики
    Дядя Вася
    Нестрашный немец
  Глава вторая. Дела новые и старые
    Первое утро
    Пётр Иваныч
    Автомат – хорошая штука
    Уходим из города
Часть вторая. Наступление
  Глава первая. Первый бой
    «Снаряды – вперед!»
    Я стреляю по немцам
    Вот так лапшичка!
  Глава вторая. Поиск
    «Попрыгали!»
    Так долго ждать
    Вот что такое поиск!

Глава третья. Ночной бой
Гранату тоже сделать надо
В овраге
С разведчиками в бою
Высота
Хороним Сарпахана
Часть третья. В тылу
Глава первая. Фронтовая баня
Едем в тыл
На посту
Хороша банька!
Глава вторая. Я – почтальон
Подарок Петра Иваныча и Вити
Дядя Вася всё может
Серьезный портной
С Петром Иванычем иду на почту
Занимаемся с Витей
Мертвым письма не пишут
Глава третья. Витя, Валя и пан Адам
Букет пана Адама
Кто такие суворовцы?
Нужны добровольцы
Поручение Вити
Вот так новость!
Нашим вручают ордена
Часть четвертая. В обороне

Глава первая. Передний край
Артналет
Фронтовая дорога
Письмо Петру Иванычу
Самый передний край
Наблюдательный пункт
Минометчики ведут огонь
Глава вторая. Бомбежка
Рассказ Вити
Когда же я пойду в поиск?
Провожаю и встречаю
Какой у пушек калибр?
«Воздух!»
Глава третья. Тяжелый «язык»
Скоро и нам наступать
Боевая задача
Беспокойная ночь
Неудача
Старший лейтенант Тимошенко
И реке не унести наше горе
Двадцать четыре часа
Иду за «языком»
Я помогу нашим

Аннотация

Осенью 1941 года Федька должен был пойти в первый класс, однако война распорядилась иначе. Семью осиротевшему мальчику заменили разведчики, учиться грамоте пришлось в перерывах между боями. Маленький отважный «фронтовичок» с честью выдержал все тяготы войны и совершил не один взрослый подвиг.

К 75-летию Победы в Великой Отечественной войне.

Для среднего школьного возраста.

Феликс Семяновский
Повесть о фронтовом детстве

Серия «Военное детство»
Оформление серии О. Рытман

© Семяновский Ф. М., наследники, 1980
© Курбанова Н. М., рисунки, 2020
© Оформление серии. АО «Издательство «Детская литература», 2020

* * *

1941–1945

К 75-летию Победы

в Великой Отечественной войне

Часть первая
Наши

Глава первая
Разведчики
Дядя Вася

Наши! Наши пришли! Свобода! Бегай по улице сколько хочешь. Можно! Ни жандарм, ни полицай не пристрелят. Сами поудирали. Теперь снова всё наше будет! Советское, как до войны.

Вот они, бойцы в мокрых ватниках. Я им столько расскажу! Я их целых три года ждал. Но к ним не проберешься. Местные окружили, шумят. Бойцов даже не слышно. А вон появились новые бойцы. Их так много стало. Еле успеваешь ко всем подбежать и рассмотреть. Они заходили в дома и оставались там. В домах тепло, в них можно обсушиться и обогреться. И местные начали расходиться. А мне куда идти? К Третьяку? Ни за что я к нему не пойду. Опять бить будет.

Солнце скрылось. Заморосил холодный дождь. Подул ветер. Он пробирал до костей. Я спрятался от него за забором. Мерзла потная спина. Ноги были мокрыми. Есть хотелось не знаю как. Даже кружилась голова. И так пусто кругом. Опять я остался один в целом мире. Хоть пропадай.

Возле меня медленно проехала военная повозка. Ее тащили заморенные лошади. Правил старый боец с морщинистым лицом, в темной от дождя телогрейке. Он сгорбился. Тоже, наверное, устал. Даже не держал автомат в руках, положил его на сиденье.

Я пошел рядом с повозкой и всё смотрел и смотрел на бойца. Может, подвезет куда-нибудь и даст поесть. Он тоже глядел на меня, но как будто не видел. Потом мотнул головой, точно проснулся, и остановил лошадей:

— А ну садись!

Я хотел одним махом вскочить в повозку. У меня это ловко получалось, когда я у Третьяка работал. Но сейчас сил не хватило. Боец помог, посадил рядом:

— Ты чего один бродишь?

— Так.

— Небось заждались тебя дома, ищут?

— Нет у меня дома.

— Как нету? Отец-то где?

— Убили.

— А мать?

— Убили.

Он внимательно посмотрел на меня:

— Выходит, без родни остался?

— Один.

— Жил-то где один?

— У Третьяка. Куркуля. Коров и коней пас, в конюшне и сарае работал. Я от него убежал. Он бил сильно.

— Куда ж ты идешь?

— Не знаю.

Боец тяжело вздохнул.

Мы въехали во двор длинного дома с высоким крыльцом.

— Посиди. Коней выпрягу, — сказал боец.

Уже приехали? Куда ж теперь идти? Может, он возьмет с собой в дом погреться? А я помогу ему. Я хорошо умел распрягать и запрягать.

Боец легко спрыгнул на землю, быстро распряг и отвел лошадей в сарай.

— Пошли, — позвал он меня.

Хоть и вместе с бойцом, а все же страшновато идти в чужой дом. Но тот шел так уверенно, будто прожил здесь всю жизнь.

Мы вошли в кухню. У Третьяка была побольше. Печку недавно протопили — было так тепло, что я сразу почувствовал, какая мокрая на мне одежда.

Дверь из кухни в комнату распахнута. Сразу видно, что в ней поселились бойцы. На полу

постелено сухое сено. Оно покрыто плащ-палатками. На сене хорошо спать — и мягко, и пахнет здо́рово. На плащ-палатках лежали шинели, у стенки в ряд стояли зеленые мешки с лямками. Две деревянные кровати были сдвинуты к стене.

У окна — длинный стол без скатерти. Сколько на нем хлеба! Целые буханки. Блестят черные корочки. Я на языке почувствовал, какой этот хлеб вкусный. Я бы сейчас мог свободно буханку съесть, без остановки. Были на столе и консервы в банках с красивыми картинками, и большие куски сахара. Столько всего, что даже не верилось. Третьяк уж на что был куркуль, но никогда у него на столе я не видел так много хлеба.

Чье же это богатство? Бойцов или хозяев? Хозяев не видно. Может, они тоже были куркулями и удрали с немцами? А почему нет бойцов? Куда они подевались?

Старый боец усадил меня за стол:

— Перво-наперво заправимся с тобой. Голод не тетка. А звать-то тебя как?

— Федя.

— Федька, выходит. А я — дядя Вася.

Дядя Вася быстро и ловко столовым ножом раскрыл консервную банку, вытащил из-за голенища сапога ложку, вытер ее о рукав гимнастерки

и протянул мне:

— Нажимай, дружок Федька. Норма у нас фронтовая. Всего в достатке. И тебя прихарчим, чтоб жирок завязался.

Он отрезал от буханки кусок:

— Держи.

В одной руке не удержишь — такой он большой. Хлеб припахивал чем-то военным. Никогда я не ел такого вкусного хлеба. В банке была колбаса. Мягкая, без сала и без шкурки. Ее легко резать ложкой и есть, как кашу. Я думал, что съем всю банку и целую буханку — и то мало будет. Но справился лишь с половиной банки и полкуском хлеба. Кусков оставлять нельзя, за это Третьячиха ругалась. Я дожевал весь кусок и осторожно положил ложку. Дядя Вася не будет ругаться, что я не доел колбасу?

— Покушал уже? — удивился он совсем не сердито. — Чегой-то мало?

— Спасибо.

— Погодь вставать, чаёк поспел.

Он наполнил кружку. Я выбрал кусочек сахара поменьше.

Дядя Вася хитровато посмотрел на меня и с плеском бросил в кружку два самых больших куска:

— Размешивай.

Я, жмурясь, осторожно подносил кружку к губам.

Чай был сладким-сладким. Такой я в оккупации ни разу не пил.

За окном быстро темнело. Зимой всегда рано темнеет, а сейчас еще февраль на дворе. Дядя Вася зажег коптилку. Дело знакомое: в оккупации электричества не было, да и керосину не достанешь, люди делали коптилки кто из чего мог — из консервной банки, из снарядной гильзы. Вырежешь фитиль из плотной материи, зальешь бензином, насыплешь соли, чтоб не взорвалась, — и коптилка готова.

У дяди Васи аккуратная коптилка из маленькой снарядной гильзы.

— Наелся аль добавки попросишь? — спросил он, когда я выпил весь чай.

— Наелся.

— С разведчиками, дружок Федька, не пропадешь. Хочешь с нами воевать?

— Хочу.

— Сейчас ребята на дело ушли. Вернутся — с Петром Иванычем поговорим, чтоб остался ты у нас. Он противиться не будет.

Разведчики? Я перед войной часто играл с ребя-

тами в «красных» и «белых» и всегда хотел быть разведчиком: так интересно было прятаться, высматривать, что делалось у «белых», и потом всё рассказывать нашему красному командиру. А здесь взрослые, самые настоящие разведчики!

Я всё, всё сделаю, чтобы понравиться Петру Иванычу. Так буду работать, как у Третьяка никогда не работал!

— В баньку сходить бы с тобою для начала службы, — задумчиво сказал дядя Вася. — Да где же ее сыщешь? Ладно, в тазу помоемся. Раздевайся. Твою одежонку просушу покамест, а тебе телогрейку дам.

Он развесил мою одежду на веревке над печкой. От нее сразу повалил пар. На краю печки он положил два полена и на них поставил ботинки. Дядя Вася снял гимнастерку, закатал рукава рубахи, выложил из своего мешка полотенце, чистую рубаху, кусок черного мыла, налил в таз горячей воды, разбавил ее холодной.

Я скинул телогрейку.

Вода была горячей, но я терпел и только осторожно переводил дыхание.

— Горячо? — спросил дядя Вася.

— Нет.

— А то холодной прибавлю.

Он долил в таз холодной воды:

— Лучше?

— Ага.

Дядя Вася заботливо мыл меня, и улыбка не сходила с его обветренных губ.

— Экий ты тонкий, насквозь светишься. А в кости крепкий, силач будешь.

Он намылил мне голову, взъерошил волосы, несколько раз их промыл. Потом пригоршнями зачерпывал воду, окатывал и растирал ноги. Они потрескались, как деревяшки. Это от росы: я у Третьяка всегда рано утром выгонял коров и до самых холодов ходил босиком.

Дядя Вася осторожно вытер меня вафельным полотенцем, натянул длинную, до пят, чистую рубаху, как маленького, на руках отнес в комнату, положил в угол на шинель и бережно укутал другой.

— Отсыпайся. А я твое бельишко простирну.

Я вытянул ноги и засмеялся. Неужели это я, чистый, лежал в тепле, укрытый красноармейской шинелью, от которой пахло махоркой?

Дождь стучал в окно. Ветер бился в стену. Но ни дождь, ни ветер — ничто на свете мне теперь не было страшно.

Нестрашный немец

Я уснул. И приснился мне сон. В темноте эсэсовцы расстреливают заложников. Тех, кого схватили на улицах, и меня тоже. У всех руки связаны веревками, а мне почему-то не связали. Кругом голое поле. И на нем, куда ни посмотришь, рядами стоят эсэсовцы с автоматами. Автоматы направлены на нас. Лают огромные черные овчарки. Наших по одному тащат к глубокому рву. Там стоит самый здоровый эсэсовец. Это он расстреливает людей, и они один за другим падают в ров. Сейчас поведут меня. И тут кто-то из наших толкает меня в спину и кричит:

«Беги!»

Я бегу что есть силы. За мной гонятся жандармы. Вот-вот догонят, наступят своими сапогами с большими железными гвоздями на подошвах. Передо мной высокий забор. Не знаю как, но я перескакиваю через него, падаю в глубокую яму — и просыпаюсь.

Немцы! Опять немцы пришли! За мной!

Я сел, прижался к стене. Теплая рука дяди Васи легла мне на голову:

— Не бойся. Видишь, он пленный, «язык», отво-

евался. Наши его взяли, сейчас в штаб отведут. А ты спи, спи, сынок.

Сердце всё еще громко стучало, и я никак не мог понять, кончился сон или нет.

Этот немец мне ничего не сделает? Не заберет меня? Он стоял не посреди комнаты, как всегда, когда они входили в дом, а в углу. Он точно хотел подальше забиться в этот угол, спрятаться ото всех. Такого немца я еще никогда не видел. Шинель на нем была привычная. Но какая она была мятая, грязная! Он стоял без ремня, в руках не было ни винтовки, ни автомата. Немец взглянул на меня, и я понял, что он боялся. Он боялся наших!

А они, разведчики, дружно сидели за столом и при свете коптилки закусывали. Были они в просторных, надетых на телогрейки пятнистых рубахах, таких же пятнистых штанах, в шапках со звездами. Кто положил свой автомат на стол, кто держал на коленях, кто на лавку пристроил. И ели они консервную колбасу не ложками, а вырезали ее из банок финками, накалывали на острие и отправляли в рот.

Разведчики поели, попили чаю, вытерли о рукава блеснувшие сталью финки, вложили их в черные чехлы на ремнях.

— Теперь полный порядок, — сказал самый высокий разведчик дяде Васе. — Двинем в штаб. А вы досыпайте здесь.

— Пётр Иваныч, может, оставите маскхалаты? Глядишь, к утру просохнут.

— Скоро вернемся, тогда уж всё и просушишь.

Маскхалаты были в грязи и особенно густо покрыты грязью на локтях и коленях.

Разведчики закинули автоматы за плечи, вышли из комнаты. Я уснул, и немцы мне больше не снились.

Глава вторая
Дела новые и старые
Первое утро

Я проснулся рано. Третьяк всегда будил чуть свет, заставлял работать. Разведчики еще спали.

Дядя Вася сидел на плащ-палатке и зашивал дырку на моем ботинке. Его руки ловко орудовали толстой иглой. По коже протягивалась аккуратная стежка. На другом ботинке уже была наложена новая латка. Рядом со мной лежали сухое пальто, курточка и штаны с зелеными заплатами.

— Чего вскочил? — тихо спросил дядя Вася. — Спи, рано еще.

Он зашил дырку. Прищурив глаз, осмотрел ботинок и поставил рядом с первым:

— До лета хватит. А там и сапоги сошьем. Ты полежи, коль не спится, а мне по хозяйству надо.

Он бесшумно вышел. Я быстро оделся и осторожно, чтобы не скрипели половицы, выскочил на улицу.

Дядю Васю я нашел в сарае около лошадей. Они повернули ко мне головы, насторожили уши,

потом кивнули как своему. Я уже выучился у Третьяка за лошадьми ходить. И здесь тоже буду кормить их, чистить, пасти летом. Еще лучше, чем у него. Это ж не куркульские кони, а наши. И военные к тому же.

Дядя Вася жгутом из соломы оттирал грязь с ног у одной лошади. У другой ноги уже были чистые. Теперь ее можно было чистить щеткой. Круглая щетка с ремешком и скребница лежали около сбруи. Я быстро надел щетку на руку и стал кругами водить ею по лошадиному крупу. Проведу три-четыре раза, ототру как следует о скребницу и снова чищу. Дядя Вася выпрямился, улыбнулся:

— Ишь ты! Ловко у тебя получается. Видать, довелось конюховать?

— Ага, — ответил я, довольный его похвалой.

— Дело хорошее. По мне, лучше не бывает.

Он почистил вторую лошадь, насыпал овса в большие брезентовые торбы и повесил их на морды. Лошади стали звучно жевать и отфыркиваться.

— Здесь у нас, Федька, порядок. Теперь ребятам кормежку будем готовить.

Дядя Вася подошел к дровам под навесом, набрал их побольше и пошел в дом. Дрова носить

тоже надо умеючи. Я согнул левую руку и правой стал накладывать на нее поленья до самых глаз, чтобы унести побольше.

В кухне дядя Вася затопил печку, поставил на нее чугун с мытой картошкой, а что мне делать, не сказал. Я тихо прошел в комнату, сел на лавку и стал дожидаться, когда проснутся разведчики.

Пётр Иваныч

Вот один из них открыл глаза и сразу сел, будто вовсе не спал. Он удивленно посмотрел на меня, что-то вспомнил и улыбнулся:

— А-а, новый разведчик.

Разведчик? Это я? Значит, меня уже приняли? Ведь это же Пётр Иваныч проснулся, самый главный. И он сказал, что я разведчик.

Он ловко и быстро, без морщинок намотал портянки, натянул сапоги и легко встал. И теперь видно было, какой он высокий и широкий в плечах. Прошелся по комнате, а его совсем не слышно. Как это у него получалось, такого большого и тяжелого? Третьяк пройдет, так весь дом гудит и скрипит, хоть он меньше ростом и не такой здоровый.

Сразу видно, что Пётр Иваныч — начальник. Ни

у кого из разведчиков не было таких погон, как у него: на каждом из красной материи нашита большая буква «Т». Над карманом гимнастерки — красная полоска. Глаза строгие, попробуй не сделай, если что скажет. Сразу влетит.

— Вот и старшина проснулся, — послышался из кухни голос дяди Васи. — Поспал бы еще. Не к спеху нынче.

— Хватит с меня. А тебе, Фёдор, боевое задание.

Вот что значит разведчик! Сразу и боевое задание получу.

— Займемся с тобой утренним туалетом. Бери кружку.

Пётр Иваныч снял гимнастерку, закатал рукава рубахи. Его руки были исцарапаны по самые локти. Ладони жесткие, пальцы в заусенцах. Ведро, полное воды, он взял одной рукой так легко, будто оно пустое. Я бы и двумя руками не поднял.

Мы вышли на улицу. На дворе было много синих луж. Вода в них рябилась от ветра. Пётр Иваныч остановился у забора, где посуше. Поеживаясь от утреннего холода, я стал рядом. Он широко расставил ноги, наклонился, подставил под кружку руки:

— Лей… Хороша водичка. А ну-ка еще! Побольше, побольше!

Ему нравилось умываться. Он так намылил лицо, что оно стало совсем белым, растирал его, снова и снова целыми пригоршнями обливал студеной водой. Больше полуведра пришлось вычерпать. Наконец он выпрямился, вытерся жестким полотенцем. Лицо его раскраснелось, от него пошел пар.

— Теперь полный порядок. Становись, твой черед.

Я снял курточку, так же, как и он, засучил рукава рубашки и подставил руки под кружку. Острая вода обожгла кожу. Но я старался умываться так же, как Пётр Иваныч, и так же громко фыркал.

Когда мы вернулись в дом, дядя Вася уже накрывал на стол. Он поставил на стол чугун с картошкой, из которого поднимался вкусный пар, две тарелки, полные селедки. Разведчики умылись и усаживались вокруг стола. Я сосчитал: всего их без меня и дяди Васи было тринадцать. Пётр Иваныч сел последним посредине. Ему там место оставили.

Здесь всё было не так, как у Третьяка. У того сначала молились, а потом садились за стол. И за столом было тихо. Я все время боялся что-нибудь не так сделать и никогда не наедался. А разведчики весело переговаривались:

— К такой картошке да грамм триста!.. А то сухая ложка рот дерет, — сказал один.

— Вот маманя моя на картошку мастерица. На стол поставит с дымком, с парком, не хочешь, а съешь, — рассказывал другой.

Разведчики звали его Яшкой, он был самый молодой, говорил и смеялся громче всех, сильно напирал на букву «о». У Яшки лицо круглое, как мяч. Если бы я и захотел, никогда бы не смог так щеки надуть. И губы у него были толстые, смешные.

Я стоял у двери и не решался подойти к столу. Может, мне еще нельзя садиться? Пётр Иваныч удивленно оглянулся на меня:

— Ты чего стоишь? Садись быстрее, а то не достанется. Харч — главное дело в солдатской жизни. Здесь не теряйся.

Он хлопнул ладонью по лавке рядом с собой. Разведчики подвинулись, и я торопливо сел.

— Приступай смелее. И голову не втягивай. Ну-ка, выпрямись!

Я не нарочно втягивал. Привык так у Третьяка.

Разведчики натыка́ли картошку на финки и счищали кожуру. Дядя Вася сел рядом со мной, достал ножом картошку, очистил:

— Держи. Бери хлеб, селедку.

Картошка была рассыпчатая, с вкусным запахом. Я старался есть медленно, как в гостях, брать поменьше, чтобы не обгонять разведчиков, но ничего не мог с собой поделать, ел много и быстро, откусывал хлеб большими кусками и виновато поглядывал на Петра Иваныча. Он улыбался мне спокойной улыбкой. Дядя Вася разлил по кружкам крепкий чай. Пётр Иваныч пил, довольно причмокивая.

— Спасибо, Егорыч, — поблагодарил он дядю Васю.

Пётр Иваныч встал и посмотрел на разведчиков. Те замолчали.

— Почистить оружие, привести в порядок мешки, уложить всё! — проговорил он строго и вышел из-за стола.

Я поднялся за ним вместе с разведчиками. Я так наелся, что меня даже покачивало с непривычки.

Автомат – хорошая штука

В это время к дому подъехала машина. Открылись двери, простучали тяжелые шаги, и два бойца внесли обитый железом ящик с большими буквами и цифрами на крышке. Один из бойцов

протянул Петру Иванычу бумагу:

— Дёмушкин, прими и распишись.

Я удивленно посмотрел на Петра Иваныча. Это его фамилия? Она мягкая, пушистая, какая-то маленькая. А он такой строгий, большой.

— Егорыч! Давай топор! — крикнул он в кухню.

Он отодрал крышку. В комнате густо запахло ружейным маслом. В ящике жирно блестели черные автоматы и диски.

— Подходи! — скомандовал Пётр Иваныч. — Как, Витёк, не передумал? — спросил он одного из разведчиков.

— Нет, менять не буду. Сроднился со своим. Пусть еще послужит.

— Дело хозяйское.

Я уже приметил этого разведчика. Он мне особенно понравился. Видать, Пётр Иваныч его любил. Вон как называл — Витёк. Если не любят, так звать не будут. И такой Витя аккуратный. Ремень затянул, под ним ни одной складочки. Прямые белые, как солома, волосы зачесаны назад. Умные глаза смотрят внимательно и спокойно. Когда взрослый умный — сразу разберешься.

Почему он не захотел обменять свой автомат на новый? Новая вещь всегда лучше старой. Ви-

тин автомат ничем не отличался от автоматов других разведчиков: чернота во многих местах облезла, на дереве приклада были царапины. А эти в ящике — такие красивые!

Витя стал разбирать автомат. Его руки двигались легко. Я даже не успел понять, как это у него так ловко получалось, а уже все части были аккуратно разложены на плащ-палатке.

— Что, понравилось? — спросил он веселым голосом.

— Да.

Он шомполом стал чистить ствол.

— А мне можно почистить? — попросил я.

— Почему же нельзя?

Витя оторвал кусок от своей тряпочки и протянул мне вместе с затвором. Я старательно тер его белую сталь, хотя на ней не было ни одного пятнышка. Мы с Витей вычистили весь автомат, собрали его.

Разведчики густо смазали старые автоматы, сложили в ящик. Пётр Иваныч и дядя Вася забили крышку, и два бойца унесли его.

Разведчики занялись новыми автоматами, оттирали их от смазки.

— Пристрелять бы, пока время есть, — озабоченно сказал Пётр Иваныч. — А то в чужого

прицелишься — в своего попадешь.

— Тут овражек недалеко — подходящий для такого дела, — посоветовал дядя Вася.

— Порядок. Приготовь, Егорыч, упоры. И щиты нужны.

Дядя Вася нашел в доме большой кусок фанеры, разрубил его надвое, подстрогал края, приделал по две стойки, туго набил сеном два вещевых мешка. Пётр Иваныч на каждом щите начертил и зачернил прямоугольник.

— Всем каналы стволов протереть досуха! — приказал он разведчикам.

В овраге Пётр Иваныч попросил Витю:

— Отмерь пятьдесят метров.

Тот пошел к краю, считая шаги. За ним дядя Вася понес щиты. Витя остановился, воткнул стойки в мокрую землю.

— Приводить к нормальному бою буду я и Витёк, — сказал Пётр Иваныч.

Он свободно лег на плащ-палатку, широко раскинул ноги и обхватил руками автомат. Глаза его стали холодными, возле рта появились жесткие морщинки. Витя расправил складки гимнастерки под ремнем, лег на другую плащ-палатку. Спокойно и недолго целясь, они сделали по четыре выстрела и пошли к щитам. Мы — за ними. Пётр

Иваныч мелком отметил пробоины:

— Кучность нормальная. Средняя точка попадания в центре. И у тебя, Витёк, порядок. Давай другие автоматы.

Теперь Пётр Иваныч стрелял из автомата дяди Васи, а Витя — из автомата Яшки. Они снова сделали по четыре выстрела, отметили пробоины, потом отвертками немного подвинтили мушки и повторили стрельбу.

— Полный порядок, — сказал Пётр Иваныч, когда постреляли из всех автоматов.

По щитам очередями начали стрелять другие разведчики.

Я так нетерпеливо смотрел на Витю, что он понял:

— Пострелять хочется?

— Ага. Только можно из вашего автомата?

— Ложись! — скомандовал Витя.

Я упал на плащ-палатку и схватился за автомат. Витя лег рядом:

— Ноги пошире раскинь. Переводчик у нас на одиночном? Правильно. Отводи рукоятку назад. Смелее. Щеку — к прикладу. Мушку видишь?

— Вижу.

— А прицел?

— Тоже.

Глаза у меня почему-то слезились, мушка прыгала и расплывалась.

— Вершина мушки и вот эта планка должны быть на одном уровне. А ну-ка попробуй. Получилось?

— Да, — соврал я.

Витя хитро посмотрел мне в глаза, поправил

автомат, чтобы он ровнее лежал на вещевом мешке, и разрешил:

— Можешь стрелять.

Я хотел, как Витя, медленно нажимать на спусковой крючок — и все-таки дернул его. Дуло автомата вспыхнуло огнем. Он подскочил.

— Не дергай, — спокойно сказал Витя. — Сними палец со спускового крючка. Нажимай снова.

Второй раз получилось лучше.

— Теперь попробуй очередью.

Витя поставил переводчик на автоматический огонь. Я нажал на спусковой крючок. Прозвучала длинная очередь. Она оглушила и испугала меня.

— На первый раз хватит. Доволен?

Еще бы! Если бы можно, я стрелял бы и стрелял…

Уходим из города

Петра Иваныча вызвали в штаб полка. Скоро он вернулся и собрал всех разведчиков:

— Выступаем через час. Фрицы еще ночью начали драпать дальше. Наш «язык» подтвердил. Будем догонять их. Может, скоро в бой введут.

Разведчики снарядили диски патронами,

надели телогрейки, маскхалаты, накинули плащ-палатки. А мне недолго собираться. Застегнул пальто — и выходи. Я стоял возле Петра Иваныча и ждал его команды.

— Ты, Фёдор, будешь с Егорычем, — сказал он строго. — Поможешь ему, понял? Смотри, Егорыч, чтоб порядок был, — предупредил он дядю Васю. — Катись в своем обозе и не лезь вперед. Я уж и так выговор от бати за тебя схлопотал. Что это, говорит, ваша шальная повозка путается в боевых порядках, решили на повозках в разведку ездить?

— Мало ли чего, — смутился дядя Вася. — Вдруг патронов не хватит аль гранаты кончатся, перекусить ребятам нужно — всё под рукой будем. А по тылам чего пастись…

Пётр Иваныч улыбнулся:

— Помогать — помогай, а под снаряды не суйся. Рванет тебя вместе с повозкой — и поминай как звали, никакой помощи не дождешься.

Разведчики ушли. В комнате остались их шинели, вещевые мешки, ящики с патронами, коробки с гранатами, продукты. Дядя Вася начал неторопливо собираться. Я помогал ему. Мы подобрали с пола сено и отнесли в повозку. На сено уложили шинели, мешки и всё наше хозяйство. Дом теперь

стал чужим, и хотелось поскорее уехать. Дядя Вася вывел из сарая лошадей, запряг их.

Мы выехали на улицу. Рядом с нами, впереди и сзади шли бойцы, ехали повозки.

— Двинулась матушка-пехота, — улыбнулся дядя Вася.

Бойцы в пехоте были с винтовками, а разведчики — с автоматами, бойцы — в ботинках с обмотками и в шинелях, а разведчики — в сапогах, телогрейках и маскхалатах, бойцы несли мешки на себе, а мешки разведчиков везла повозка. Далеко этим бойцам было до разведчиков.

Я смотрел вперед: может, мы догоним наших.

— Дядя Вася, а наши далеко ушли?

— Они в голове. Разведчики.

Я уже давно понял, что дядя Вася не разведчик, а вот кто он, боялся спросить. А теперь можно.

— Дядя Вася, а вы кто?

— Я-то? Ездовой.

Ездовой? Он, наверное, потому так назывался, что все время ездил. Он и не похож на разведчика, и старый такой.

Повозка въехала в город. Мы сюда с мамой и папой перед самой войной приехали. Здесь больше всего жило поляков и украинцев. И город кто называл «място», а кто «мисто». На одной улице

стояла церковь, на другой — костел. И в костел, и в церковь по воскресеньям набивалось полно народу. В центре города была старая крепость. Ребята говорили, что ей тысяча лет, а может, и больше. Стены в крепости такие широкие, что по ним свободно втроем пройдешь. Улицы узкие, дома с острыми крышами, окна закрывались ставнями. И мостовая была не такая, как у нас раньше, а выложена большими гладкими каменными плитами. Город, и крепость, и сёла кругом — все это называлось Западной Украиной.

Наша повозка проехала по одной улице, по другой, свернула в следующую. Это была та самая улица…

Мы жили на ней. Мама, когда мы остались с ней вдвоем, работала уборщицей в немецкой конторе. Каждое утро уходила рано, приходила поздно, зато приносила поесть. Я иногда помогал ей подметать в конторе и выносить мусор. И дома все делал, что она просила.

Посреди улицы всё время ходили жандармы. Особенно страшным был один: высокий, здоровый, в большущих начищенных сапогах, в новой шинели. Днем он убил двух подростков. Выследил и убил. Я слышал его выстрелы. А ночью его самого убили… На другое утро гестаповцы

устроили облаву, хватали всех подряд. Схватили и маму. Вместе с другими — заложницей. Их увезли за город. Я бежал за мамой изо всех сил. Какие-то люди остановили меня, не пустили. Потом я услышал выстрелы.

…Мы выехали на шлях. Он уходил далеко-далеко. Хорошо, что мы уезжали из этого города, от Третьяка, от всего, что было в оккупации.

Часть вторая
Наступление

Глава первая
Первый бой
«Снаряды – вперед!»

С бугра по мокрому полю к нам бежал боец. Он отчаянно выдирал ноги из грязи, что-то кричал, но что́, не слышно. Боец подбежал к первой штабной повозке, что-то сказал ездовому. Тот повернулся назад и тревожно крикнул:

— Снаряды — вперед!

Другие бойцы подхватили крик. Мы с дядей Васей тоже кричали:

— Снаряды — вперед! Снаряды — вперед!

Снаряды нужны пушкам на высоте. За ней шел бой. А кто там побеждает — наши или немцы, не видно. Этот бугор, который кто-то из офицеров назвал высотой, всё закрывал. Слышно только, как стреляют винтовки, стрекочут автоматы и пулеметы и с высоты гулко бьют пушки.

Повозки со снарядами рванулись с места. Ездовые нещадно стегали лошадей. Те неслись во всю прыть. Повозки промчались мимо нас.

Я посмотрел на дядю Васю. Может, разведчикам как раз сейчас нужны патроны и гранаты, а мы

в обозе стоим. Он тоже так подумал. Глаза его блеснули. Он сердито дернул вожжи, крикнул на лошадей. Они свернули влево, быстро обошли повозки, на которых ехал штаб, взяли крупную рысь.

Лошади артиллеристов скоро перешли на шаг. Ездовые спрыгнули на землю и бежали рядом. Мы догнали их и на высоту въехали вместе. Повозки со снарядами понеслись к пушкам. Дядя Вася заметил невдалеке от них большую яму и спустил в нее повозку. Сам взял автомат и залег наверху. Я упал рядом с ним.

Отсюда весь бой хорошо виден. Он совсем не такой, как я думал. Я представлял себе: немцы убегают во все лопатки, а наши на ходу щелкают их одного за другим, одного за другим. Немцы бегут толпой, а у наших — одна цепь, вторая, третья.

Но все было по-другому. Наши рассыпались между хатами и перебегали поодиночке, будто играли в прятки. А где же разведчики? Как я ни смотрел, никого из них не увидел. Они, наверное, прорвались так далеко, что пехота отстала.

Я стал смотреть на бойцов. Приметил одного. Высокого, в шинели, с винтовкой со штыком. Он бежал неторопливо, то пригибался, то выпрям-

лялся, то забирал вправо, то влево. Изредка он останавливался, прикладывал винтовку к плечу и стрелял.

А вон и немцы. Они были еле видны, но я их ни с кем не спутаю, насмотрелся, хорошо запомнил. Ага, они убегали. Пусть не толпой, но все равно драпали. Так их! Так!

Я стреляю по немцам

Артиллеристы разгрузили повозки, снова разбежались по своим местам у пушек и продолжали стрелять. Пустые повозки понеслись вниз.

— Дядя Вася, можно? — крикнул я.

Он напряженно что-то высматривал в селе и даже не повернул головы на мой крик, только махнул рукой.

Я побежал к пушкам. Их было две. Они вместе с нами шли в колонне. На остановках я подходил к артиллеристам, разговаривал с ними. Такие же пушки я видел еще в начале войны, когда наши отступали. Тогда мы с ребятами тоже бегали смотреть, как они стреляли, и приносили артиллеристам воду и хлеб.

Сейчас пушки стреляли всё быстрей, точно поспорили, кто выпустит больше снарядов. Сна-

ряды летели к высоте на другом конце села, где еще были немцы. Там вспыхивало пламя разрывов, выбрасывалась вверх земля.

Я остановился у ближней пушки. Артиллеристы были в замасленных гимнастерках. Их шинели, шапки и ремни валялись на земле. Но и в гимнастерках им было жарко. Лица закоптились от дыма и пороха. Глаза зло блестели.

Командовал здесь старшина с такими же, как у Петра Иваныча, погонами. Он стоял слева от пушек, немного впереди. На груди у него висел бинокль. Он то подносил его к глазам, то забывал о нем. Резким голосом он кричал: «Огонь!» — и рубил рукой воздух. Старшина не поворачивал головы к пушкам. Казалось, он командовал самому себе. Артиллеристы тоже не смотрели на него, но тут же выполняли команды.

Один из бойцов сидел на станине. Приставив правый глаз к прицелу, он быстро вертел рукоятки, и ствол то опускался, то поднимался, двигался то вправо, то влево. Другой боец вгонял снаряд в ствол, а третий — с железным стуком открывал и закрывал замок.

Труднее всех приходилось четвертому артиллеристу. Он был самый старый, худой, с глубокими морщинами на лице. Его гимнастерка вся была

выпачкана ружейным маслом. Он бегал к ящикам, вытаскивал снаряды, обтирал их тряпкой, каким-то особым большим ключом свинчивал с головок колпачки и подавал второму бойцу. Он торопился, но не поспевал.

Артиллерист увидел меня и крикнул:

— Чего стоишь? Помогай!

Я сразу понял, что́ надо делать. Бросился к открытому ящику, схватил новенький скользкий снаряд и подал артиллеристу. Он обтер его гимнастеркой, зло свинтил колпачок, отбросил и передал соседу. Тот с ходу вогнал мой снаряд в ствол. Третий боец с железным стуком закрыл замок. Старшина ладонью разрубил воздух. «Выстрел!» — крикнул первый боец и дернул шнур. Короткое пламя вырвалось из ствола, и мой снаряд понесся к фрицам.

Есть! Раздался взрыв, поднялась земля, полетели доски. Снаряд попал в цель. Точно!

Второй артиллерист дернул рукоятку. Почерневшая гильза выскочила из пушки и, дымясь, откатилась со звоном к мои ногам. Я засмотрелся на нее.

Первый артиллерист повернул ко мне гневное лицо, а четвертый крикнул:

— Шевелись!

Я опомнился и бросился к ящику. Когда я стоял возле пушки и ничего не делал, было немного страшно: ждешь выстрела и обязательно вздрогнешь. А сейчас не до страха — только успевай подавать снаряды. Я был весь в поту. Если бы пальто сбросить... Но даже расстегнуть не успеешь.

— Четыре снаряда, беглым — огонь! — скомандовал старшина.

Догоняя друг друга, снаряды как молнии понеслись к немецкой высоте.

Старшина посмотрел долгим взглядом в бинокль и хрипло протянул:

— От-бо-ой!

Артиллеристы, кто где стоял, опустились на землю. Они тяжело дышали, вытирали лица грязными платками, жадно закуривали.

— Шабаш, — тихо сказал мне четвертый артиллерист и закрыл глаза.

У меня в ушах стояли шум и звон. Ломило спину, гудели руки и ноги. Я облизывал шершавые губы, дышал всей грудью и не мог надышаться. Неужели стало тихо? Старшина устало сидел на земле, курил, и тишина не исчезала.

А дядя Вася? Как я забыл о нем? Где он?

Вот так лапшичка!

Дядя Вася был там, где я его оставил. Когда я подбежал, он повернулся ко мне:

— Тебя где носило?

— Помогал. Артиллеристам. Мы по немцам стреляли.

Но лицо дяди Васи оставалось недовольным, и я сказал:

— Вы разрешили.

— Разрешил? — удивился он и скомандовал: — Быстрей садись, помощник! Сейчас тронемся.

Дяде Васе было не до меня. Он боялся за разведчиков. А я и не думал о них. И правильно, что он меня отругал. Надо быстрее найти наших.

Мы выбрались на дорогу и покатили в село. Там стрельба совсем стихла. Утреннее солнце разорвало облака. Над полем стоял туман. Подул свежий ветер. Я подставил ему лицо.

Мы въехали в село. Хаты в нем стояли как попало, куркульские — подальше одна от другой, бедняцкие — поближе. Хату куркуля от бедняка отличишь запросто. У бедняков крыши — из старой, почерневшей соломы, а у куркулей — из дранки или жести. Куркульские хаты стояли в

садах, огороженных заборами, а у бедняков-то и заборов не было. Сейчас ни куркулей, ни бедняков нигде не видно. Наверное, удрали в лес или попрятались в погребах. Только бойцы устало ходили по селу. На улице было много воронок от снарядов. Снаряды выбили окна в хатах, пробили стены, а одну хату совсем разрушили — вместо нее была огромная куча обгорелых бревен и черных кирпичей.

Штабные повозки проскочили вперед и остановились у крепкой хаты. И нам нужно было селиться рядом. Дядя Вася растолковал, что разведчики всегда живут около штаба. Но где же они?

В лесу, который подходил к самому селу, прогремели автоматные очереди, бухнули разрывы гранат. Бойцы остановились, стали слушать. Кое-кто взял винтовку наизготовку и побежал на выстрелы.

Что же дальше будет? Но вот из леса вышли бойцы. Да это же разведчики!

— Дядя Вася, смотрите!

Он тоже узнал их и поехал навстречу.

Разведчики шли быстро, весело. Впереди широко шагал Пётр Иваныч. Рядом с ним — Витя. Как и у Петра Иваныча, шапка у Вити была сдвинута

на затылок и открывала высокий лоб, слипшиеся волосы. Разведчики улыбались, были как будто выпившие, словно в каком-то жару. Они подошли к нам, остановились.

— Доехал-то как? — громко спросил Пётр Иваныч дядю Васю.

— Ничего. Вроде живы.

— Будем здесь устраиваться. Витёк, подбери избенку, пока не расхватали. Да поосторожней, на сюрприз не нарвись.

Что случилось с разведчиками в лесу? Почему они такие веселые?

Витя прошел мимо нескольких хат, возле одной остановился, обошел ее со всех сторон, тихонько открыл дверь, исчез. Спустя немного вышел на дорогу и махнул нам рукой. Мы направились к нему.

— Гостиница к вашим услугам. Располагайтесь. Прошу, — доложил Витя Петру Иванычу.

Разведчики в незнакомой хате чувствовали себя свободно, совсем не стеснялись. Они, как артиллеристы после стрельбы, устало сидели кто на лавке, кто на кровати, кто на полу.

— Дай-ка закурить, — попросил Пётр Иваныч дядю Васю, — у меня весь табак вышел.

Дядя Вася вытащил кисет и свою «катюшу» —

кремень, пухлый белый шнур и кусочек напильника вместо кресала. Надежная вещь. Всегда добудешь огонь, когда требуется. Дядя Вася стал наделять разведчиков махоркой и, когда они свернули цигарки, всем дал прикурить.

Пётр Иваныч с удовольствием затянулся, придержал дым и густо выпустил его. А Вите не шло курить, он будто понарошку баловался.

Дядя Вася растопил печку, поставил на нее полный чайник, потом выложил на стол консервы, хлеб, сахар.

Пётр Иваныч посмотрел на него, что-то вспомнил и улыбнулся:

— Хороша лапшичка была! Не дали спокойно доесть, гады!

Какая лапшичка? Ведь разведчики были в бою. А может, это какое-нибудь военное слово, как «язык»? Витя озорно подмигнул дядя Васе.

— Когда фрицев из деревни вышибли, — начал он, — батя приказал: пока пехота закрепляется, прочесать еще раз лесок на всякий случай. Рассыпались, идем. Смотрим: полянка, а на ней избушка на курьих ножках. В случае чего оборону держать можно. Осмотрели всё — пусто. Хотя чувствуем, кто-то есть, человеческим духом пахнет. И точно. Хозяйка в погребе спряталась. Увидела

нас, перепугалась насмерть, слова сказать не может. Вытащили, еле успокоили. Пришла в себя, усадила всех на радостях под иконы, к святым поближе, а сама принялась лапшичку стряпать. Поставила тарелки на стол — как налегли, только треск за ушами пошел. Вдруг видим — фрицы! Человек тридцать. Вышагивают, озираются. Сразу видать, что пуганые уже. На лапшичку потянуло. Мы за автоматы — и во двор. Яшка — тот прямо через окно хотел на фрицев в атаку кинуться. Может, конечно, не в атаку, а от них. Кто его знает?

Витя лукаво посмотрел на Яшку. Тот густо покраснел.

Яшка был не только самый молодой из разведчиков, но и воевать начал ненамного раньше меня, не то что Пётр Иваныч и Витя.

— У Сарпахана глаза совсем исчезли, — продолжал Витя. — Один Пётр Иваныч бровью не повел, будто ждал этих фрицев. Поближе они подошли — как дадим из автоматов! Для паники еще гранат подбросили. Фрицы, конечно, подрапали. Вдруг слышу — один автомат прямо из окна бьет. Что, думаю, еще за союзник у нас объявился? Ведь помню точно — все во двор выскочили. Оглянулся — ну и картина! Окно распахнуто, а в нем — Пётр Иваныч. Автомат на подоконник поставил и бьет

одной рукой, как из пистолета, а другой лапшичку в рот отправляет. Ложку за ложкой. Сочетает приятное с полезным. Эх, думаю, съест всю и нам ничего не оставит! Добавили фрицам огоньку, чтобы побыстрее смывались, и снова в дом. Так тарелки вычистили, что хозяйке и мыть не надо. Придется тебе, дядя Вася, учесть персональный вкус Петра Иваныча. Осваивай лапшичку…

— А почему мы остановились здесь, дальше не пошли? — спросил дядя Вася Петра Иваныча.

— Сам видишь — грязи по колено. Долго не пронаступаешь. В этой деревне у фрицев заслон был, а главная оборона — километра полтора-два отсюда.

— И долго тут простоим?

— Долго не долго, а дней пять-шесть, может, придется. Тут с кондачка дело не сделаешь. Работы хватит.

Глава вторая
Поиск
«Попрыгали!»

Пётр Иваныч с утра объявил: ночью пойдем в поиск. Днем разведчики поспали, а сейчас, к вечеру, в одних гимнастерках, без сапог сидели за столом и набивали диски патронами. Дядя Вася выставил на стол целый ящик. В диске помещалось семьдесят два, а каждый брал с собой по два полных. У разведчиков патроны один за другим с треском исчезали в дисках. Только Яшка никак сразу не попадал в отверстие, беспокойно посматривал на Петра Иваныча. Он, наверное, боялся в поиск идти.

— Одеться, — негромко приказал Пётр Иваныч, сам первый оделся и внимательно следил, как собирались разведчики.

Витя все делал так же неторопливо и основательно, как Пётр Иваныч. Легко натянул сапоги, надел телогрейку, а поверх нее цветастую рубаху. Перепоясал себя ремнем, разогнал под ним складки, повесил на него запасной диск в чехле, финку, гранаты. Другие разведчики старались

не отставать.

Я надел пальто, приготовился.

— А ты куда? — удивился Пётр Иваныч.

— С вами пойду.

— Отставить! Аника-воин! Раздевайся. И чтоб здесь был полный порядок! Ясно?

— Ясно… — вздохнул я.

Разведчики присели. Посматривая на Петра Иваныча, закурили. Дядя Вася говорил, что на войне без хлеба проживешь, а без курева никак нельзя. У разведчиков были и кисеты, и трофейные портсигары, а у дяди Васи про запас целый ящик махорки.

— Готовы? — спросил Пётр Иваныч и тут же скомандовал: — Становись!

Разведчики выстроились в ряд посреди хаты. Пётр Иваныч шел вдоль строя и, щуря глаза, оглядывал каждого. Потом приказал:

— Попрыгали!

Разведчики запрыгали.

— Хватит, — остановил их Пётр Иваныч и подошел к Яшке. — Доставай спички. Гремят — за версту услышишь.

Пётр Иваныч вытащил из кармана бинт, оторвал маленький кусочек, положил в коробок и потряс его. Теперь ни одна спичка не пошеве-

лилась.

— Держи.

Яшка хотел улыбнуться, но лицо его вдруг испуганно сморщилось. Вот если бы сейчас Яшка отказался идти в поиск или Пётр Иваныч прогнал его, я встал бы в строй вместо него. Ведь разведчиков должно быть тринадцать. Я бы и был тринадцатым. А сейчас я просто лишний.

Пётр Иваныч подошел к другому разведчику:

— А у тебя что шумит? Выкладывай.

Тот достал из кармана нож и портсигар.

— Нож оставь, а портсигар сдай Егорычу, курить некогда будет.

У Вити было всё в порядке, и Пётр Иваныч ему ни одного замечания не сделал. И Сарпахану тоже. Сарпахан Каржаубаев — казах с узкими, как щелочки, глазами. Скулы у него широкие, и кожа на лице так натянута, что вот-вот лопнет. Я еще не слышал от него ни одного слова, хотя он понимал всё, что говорил Пётр Иваныч, и задания выполнял старательно. Пётр Иваныч всегда держал его возле себя и никогда не разговаривал с ним сердитым голосом. И еще я заметил, что Сарпахан любит чистить свой новый автомат. Сядет в углу или у стенки прямо на пол, скрестив ноги, и может так сидеть долго-долго. Сам непо-

движный, только руки работают. Автомат уже весь блестит, а он все чистит и чистит.

Пётр Иваныч проверил, у всех ли есть индивидуальные пакеты. В пакете бинт и два куска ваты. Если ранят, сам себе перевязку сделаешь.

— Погодка нудная, — предупредил Пётр Иваныч. — Ни дождь, ни ветер, а так себе, морока в небе и на земле. Ежели кого на кашель тянет, взять с собой хлеба.

Он посмотрел на часы:

— Разойдись. Надеть плащ-палатки. Выходим через две минуты.

Разведчики снова молча присели.

Пётр Иваныч негромко скомандовал «вперед» и первый вышел из хаты. Мы с дядей Васей вышли следом. На улице было темно и сыро. Моросил дождь. Под ногами разведчиков зашелестела мокрая трава. Они вышли на дорогу, свернули влево и быстро, как днем, зашагали к переднему краю. Грязь хлюпала всё тише…

Так долго ждать

Разведчики скрылись в темноте. Мы с дядей Васей немного постояли у дороги и вернулись в хату. Было тихо, пусто, одиноко. По полу и стенам

ходили красные пятна от печки. Падали они и на иконы в углу, и на фотографии на стенах. У Третьяка таких икон висело много. Хозяев этой хаты я так и не видел. Наверное, прятались где-нибудь, ждали, когда мы уйдем.

Дядя Вася вымыл посуду, прибрал на столе, подмел пол, взбил сено, аккуратно, одну к одной постелил шинели. Он искал глазами, что бы еще сделать, но в хате уже был полный порядок. Он присел на скамейку у печки. Отблеск огня блеснул на его седых волосах, коснулся рук, и я увидел, какие они у него мозолистые, рабочие. У меня тоже были мозоли. Сначала я даже стонал и плакал от боли. А потом, когда мозоли затвердели, было легко ворочать и вилами, и лопатой. Дядя Вася смотрел на огонь, и я почувствовал, что он тоже думает о разведчиках, тревожится о них.

Я всегда любил, когда Третьяк куда-нибудь уезжал и в доме наступала тишина. Но сейчас тишина не радовала. Быстрей бы вернулись разведчики и в хате стало шумно и весело!

— Дядя Вася, а кто Пётр Иваныч?

— Он-то? Сибиряк. Слыхал небось про Сибирь? Сибиряки — народ крепкий, надежный. С ними не пропадешь.

— А за что ему красную нашивку дали?

— В бою его ранили тяжело. Еле выходили в госпитале. Вот и носит нашивку.

— А Витя откуда?

— Из Воронежа. Витюшка у нас парень золотой. Самый грамотный. На учителя учился. После войны, ежели жив останется, кончит свою науку, хороший учитель будет.

Вот и дядя Вася тоже Витю любит.

— А Яшка?

— Горьковский. На Волге жил. Зеленый еще. Только-только воевать начал. А так смышленый. С Петром Иванычем солдатскую науку быстро пройдет. Хороший разведчик будет.

А я смогу солдатскую науку пройти? Если бы Пётр Иваныч объяснил мне ее, показал, я бы тоже мог хорошим разведчиком стать.

— А вы?

— Я-то? Из-под Калуги. Есть там городишко Малоярославец, а под ним и деревня моя — Петровское. Там и жил, в колхозе работал.

Сколько всяких городов на свете! Я и не знал о них ничего.

Дядя Вася рассказал мне и о других разведчиках, кто откуда на фронт пошел. Потом мы надолго замолчали.

Я устал сидеть у печки и подошел к столу. На

нем лежал автомат дяди Васи и патроны в картонных коробочках. Автомат нельзя трогать, он не игрушка. А патрончиками поиграть можно. Я набрал их целую горсть и начал расставлять на столе. Вот этот, самый боевой, — Пётр Иваныч, самый белый — Витя, а самый красный — Яшка. Эти — остальные разведчики. Два самых черных патрончика — фрицы. Они спрятались за консервной банкой. Наши приметили их и незаметно подбираются. Они уже проползли через наш передний край — куски сахара, подползли к бугру — горбушке и притаились. Вдруг как выскочат — и на фрицев! Связали их, скрутили и поволокли к нашей хате — буханке. Потом разведчики и меня взяли с собой в поиск. Я ползу с автоматом и первый вижу фрица. Он не слышит, как я подкрадываюсь к нему. Я наставляю на него автомат и громко кричу: «Хенде хох!»[1] Фриц поднимает руки. Я привожу его к разведчикам, и они благодарят меня. Но вот с ними случилось несчастье. Они попали в засаду. Фрицы наседают со всех сторон. И тут я бегу на помощь, расстреливаю их из автомата, выручаю наших. И теперь они всегда берут меня с собой в разведку.

---

[1] Примечания: 1
Руки вверх! (*Нем.*)

Наверное, уже много времени прошло. Я вышел во двор. Была глубокая ночь. Шелестел дождь, густо поблескивали лужи. Порывами налетал ветер. Я ежился от холода, всматривался в темноту и прислушивался, не раздадутся ли шаги разведчиков.

Ничего не слышно. Только с переднего края доносилась редкая перестрелка: стрелял то наш пулемет, то немецкий. В черном небе чиркали трассирующие пули. В разных местах взлетали ракеты. Они пятнами светились в воздухе.

А здесь, в селе, была глухая тишина. Село точно насторожилось. Тишина угрожала. Казалось, что кто-то подкрадывается сзади и вот-вот бросится на меня. Я оглядывался, но никого не было.

Когда я привык к темноте, то увидел, что не только мы с дядей Васей не спали в эту ночь. У хаты, где сейчас был штаб, ходил часовой. Вот открылась дверь, появилась полоска света. Из хаты вышел командир. Потом сразу еще несколько командиров. Прошли бойцы по дороге. За ними проехали повозки, и слышно было, как чавкала грязь под копытами лошадей. На повозках громоздились какие-то ящики. Может, снаряды для пушек?

Становилось всё холодней. Лучше я подожду

разведчиков в хате, а то здесь совсем замерзнешь.

Я вбежал в хату. Дядя Вася всё так же сидел на скамеечке и смотрел на огонь.

Я сел рядом с ним. Почему так долго разведчики не возвращались? Кружилась голова, слипались глаза. И дядя Вася тоже, наверное, хотел спать. Но он ждал наших, топил для них печку. Выходит, и мне надо терпеть. Но усталость совсем одолела меня. Я привалился к плечу дяди Васи и уснул так крепко, что уже ничего не чувствовал.

Вот что такое поиск!

Проснулся я на рассвете. За окном было серо, стекла запотели от холода. Я лежал на сене, укрытый шинелью.

Разведчиков еще не было. Хорошо, что я вовремя проснулся.

И тут стукнула дверь, в хату вошел Пётр Иваныч, за ним остальные разведчики. Все тринадцать. С их сапог и плащ-палаток стекала вода. Маскхалаты были все в грязи. Особенно густо она чернела на рукавах и коленях.

Дядя Вася командовал:

— Снимайте всё! Сейчас просушим.

Он быстро отряхнул одежду и развесил ее на веревках. Сапоги поставил к печке.

А где же «язык»? Может, его в сенях оставили? Но и там его не было. Неужели наши вернулись без «языка»? Что же теперь будет?

— Умыться, протереть автоматы и смазать! — приказал Пётр Иваныч.

Витя умывался первым. Дядя Вася поливал ему.

— Досталось вам? — спросил он.

— Да нет, не очень. Полежали немного, посмотрели на фрицев — и назад.

Витя нарочно так говорил, чтобы успокоить меня и дядю Васю.

В хату вошел лейтенант из штаба. У него было совсем не сердитое лицо. Он даже улыбался. Ничего не понятно.

— Молодцы! — сказал лейтенант. — Батя приказал благодарность передать. Прислал с картой — все ваши сведения на нее перенести.

Дядя Вася вытер стол. Лейтенант развернул на нем новенькую карту. Она приятно шелестела. Лейтенант достал остро отточенный карандаш и вместе с Петром Иванычем наклонился над картой. Пётр Иваныч внимательно посмотрел на нее и показал:

— Вот здесь у них дзот.

Лейтенант быстро начертил какой-то значок.

— А тут два пулемета засекли на высотке, — продолжал Пётр Иваныч. — И еще один на фланге. Витёк и Сарпахан их выманили. Подползли почти вплотную, панику подняли, давай огонь на себя вызывать. Фрицы с перепугу и раскрыли всё, что припрятали. А за высоткой, вот здесь, — минометная батарея. Высотка эта — крепкий орешек.

Пётр Иваныч водил пальцем по карте. Там, где палец задерживался, лейтенант рисовал значки, кружочки, квадратики.

Я тоже смотрел в карту. На ней — белые, зеленые, синие пятна, много разноцветных линий и значков. Я не знал, что они обозначали. Зато лейтенант и Пётр Иваныч во всем разобрались. А Витя говорил — «полежали». Ничего себе полежали! Он нарочно так сказал, чтобы не хвастать. Хорошая разведка была у наших. Они и без «языка» узнали, что нужно.

Вот это поиск так поиск!

Глава третья
Ночной бой
Гранату тоже сделать надо

Прошло два дня. Разведчики еще раз ходили на передний край. Теперь уже днем. Петра Иваныча и Витю несколько раз вызывали в штаб полка. Витя был помощником Петра Иваныча. И если тот не сможет командовать разведчиками, Витя заменит его.

И вот сейчас, вечером, наши собирались в бой. Весь полк будет вести с фрицами ночной бой, отбивать у них высоту, к которой разведчики ходили в поиск.

Только что подвезли гранаты и патроны. Перед Петром Иванычем на столе выстроились картонные коробки. Он быстро разреза́л их финкой и вытаскивал гранаты. Они были без запалов. Отверстия, в которые вставлялись запалы, были закрыты колпачками. Дядя Вася очищал гранаты от масла, вывинчивал колпачки и ставил около Петра Иваныча. Я все ждал, что дядя Вася куда-нибудь отойдет и я вместо него буду вытирать и вывинчивать колпачки. Запалы были в отдель-

ной коробке, каждый завернут в белую жесткую бумагу. Пётр Иваныч бережно разворачивал ее и аккуратно в ряд раскладывал запалы на столе. Они блестели, как новые игрушки.

Как ловко Пётр Иваныч снаряжал гранаты! Он брал каждую одними пальцами в левую руку и переворачивал крышкой вниз. Пальцами правой руки легко вставлял запал в отверстие и быстро завинчивал. Делал он это так, будто в его руках не было никакой силы, а запал ввинчивался сам по себе.

Вдруг дверь распахнулась, и на пороге появился незнакомый боец. Все повернулись к нему.

— Кто тут старшина Дёмушкин?

— Я за него.

— Командир полка вызывает. Быстро!

Пётр Иваныч встал, нацепил на пояс гранаты, взял запасной диск, автомат и кивнул Вите:

— Пошли на всякий случай.

Дядя Вася сел на место Петра Иваныча. У него получалось не так ловко, но все равно хорошо. Уже всем гранат хватило, а он всё выставлял и выставлял их на стол.

— Дядя Вася, а эти для чего?

— Запас плеч не тянет. Ночью ребята попросят, а у нас гранаты приготовлены — кидай сколько

хочешь.

Понятно. Это будет НЗ — неприкосновенный запас.

Витя вернулся один.

— Выступаем через час, — сказал он. — Идем в первый батальон, к тем двум дзотам на высотке. Пётр Иваныч встретит нас на передовой.

Разведчики разбрелись по хате. Они не торопясь курили, как будто и не собирались в бой. Сарпахан Каржаубаев сидел около печки и чистил свой автомат. Он так углубился в чистку, будто забыл обо всем на свете. Казалось, что сейчас самым важным для него был не предстоящий ночной бой, а этот автомат, который должен блестеть как новенький.

В овраге

Когда совсем стемнело, разведчики вслед за Витей ушли в бой. Нам с дядей Васей он велел переждать.

Наконец и мы выехали. Проехали мимо повозок штаба, догнали бойцов, которые тоже шли к переднему краю. Бойцы ругали немцев, темноту, грязь и на нас не обращали внимания.

Дядя Вася не торопился, всё придерживал ло-

шадей, иногда даже останавливал их. Он повесил автомат на грудь и всматривался в темноту. Как всегда, искал разведчиков. Я крепко вцепился руками в доску-сиденье и тоже смотрел во все глаза.

Только мы проехали село, как впереди началась частая стрельба. Стреляли и винтовки, и пулеметы, и автоматы. Потом справа, невдалеке, грохнул выстрел пушки. За ним — второй, третий, и пошло. Снаряды огнем светились в темноте. И почему-то летели так медленно, что их можно было сосчитать.

Вдруг послышался пронзительный свист — к нам летел немецкий снаряд. Он грохнул слева, и вспышка ослепила меня. На месте разрыва появился густой дым. Осколки шлепались в грязь. Рядом разорвалось еще несколько снарядов. И каждый раз дядя Вася прижимал меня к себе, старался накрыть своим телом.

Стрельба усилилась. Трассирующие пули прошивали темноту. Взлетали белые, красные и зеленые ракеты. Они точно показывали нам, куда ехать.

Мы попали в самый бой. Пушки теперь стреляли даже немного сзади. А автоматы и винтовки совсем близко. Значит, и разведчики где-то неда-

леко. Но ничего не видно вокруг. Свет ракет до нас не доходил.

И тут один из немецких снарядов попал в хату на пригорке. Вспыхнуло пламя. Повалил густой дым. Пламя росло, искры взлетали высоко в небо. Хата огромным костром заполыхала в ночи.

Пламя осветило другие хаты. Около них мелькали бойцы.

Дядя Вася еще больше забеспокоился. Он свернул с дороги влево, где потемней. Остановил лошадей, соскочил с повозки и пропал в темноте, точно сквозь землю провалился. Я всмотрелся: мы остановились у оврага.

Появился дядя Вася и осторожно свел лошадей вниз. Овраг укрыл нас. Дядя Вася ушел вперед и скоро вернулся.

— Там не выедем, разворачиваться надо, — сказал он.

Он провел лошадей вперед, развернул их.

А мы вскарабкались с ним наверх и залегли на краю оврага. Дорога была недалеко. По ней, спотыкаясь, хромая, скользя по грязи, уже шли в тыл раненые. Вперед торопливо проехала санитарная двуколка с крытым верхом.

Вдруг на высоте стрельба стихла. Не слышно ни выстрелов, ни разрывов. Разве бой уже кон-

чился?

От высоты к нам бежали бойцы. Их было много. Очень много. Куда они? Почему бежали назад? Стало страшно.

Бойцы были всё ближе. Уже слышно, как чавкает грязь, лязгает оружие. Мерцали огни фонариков, раздавались злые голоса: «Шире шаг! Не отставать! Подтянись!» Недалеко от нас бойцы повернули влево и исчезли в темноте.

Больше никто не появлялся. Ни наши, ни немцы. А может, бойцы выполняли какое-нибудь задание? И разведчики ни за что от немцев не побегут. Но где они? А если с ними что-нибудь случилось?

И тут на дороге я увидел знакомую фигуру в маскхалате, с автоматом на груди. Это же Яшка! Он шел, наклонившись вперед, нес что-то тяжелое. На спине горбился вещевой мешок. Яшка обеими руками держался за автомат, точно опирался на него. Почему он шел с тыла?

— Яшка! — громко позвал дядя Вася.

Яшка поднял голову. Дядя Вася крикнул еще раз и встал. Яшка, выдирая ноги из грязи, повернул к нам.

— А повозка где? — спросил он.

— Внизу. Ты почему с тыла идешь? Наши-то

где?

— Там, у высотки, залегли. Будь она проклята!

— Целы?

— Уходил — целы были. Не дают фрицы ходу — и всё тут. Только пехота поднимется — чешут, как косой. Батя пехоту отвел, слева ударит. А нам — прямо идти. Кидайте, говорит, больше гранат, из автоматов огня не жалеть. Чтоб фрицы думали, что все тут. А у нас гранаты кончились. И патронов с гулькин нос. Пётр Иваныч говорит: «Беги к пехоте… Чтоб без гранат и патронов не возвращался!» Патронов дали, а гранат у самих нету. Дядь Вась, давай быстрей!

Яшка с трудом стащил с плеч вещевой мешок с патронами и плюхнул его на землю. Он тяжело дышал, лицо блестело от пота.

Мы с дядей Васей скатились вниз. Гранаты были в ящике под шинелями. Как хорошо, что дядя Вася НЗ приготовил! Он разрыл шинели, вытащил вещевой мешок и одну за другой стал укладывать в него гранаты. Мы выволокли мешок наверх. Яшка одной рукой приподнял свой мешок, другой — наш и сказал, чертыхнувшись:

— Не дойду с двумя. Не осилю!

— Наши-то где? — спросил дядя Вася.

— Там, за последней избой.

— А ежели подъехать?

— Ты что, очумел? Сразу ухлопают.

Они в растерянности замолчали.

— Дядя Вася, я понесу! — закричал я.

— Сиди.

— Донесу, правда! Я быстро! Хорошо всё будет!

— Пусть идет, — вступился за меня Яшка. — Пока тихо. Отдаст гранаты — вернется, ничего с ним не станется.

— Ежели мне? — нерешительно спросил дядя Вася.

— А повозка? А кони? На него, что ли, всё оставишь? Нельзя тебе хозяйство бросать!

— Что же делать, иди. И тут же назад! Понял?

Дядя Вася помог Яшке надеть его мешок, повесил мне на спину наш, поправил лямки:

— Не тяжело?

— Нет.

Мы с Яшкой двинулись в путь. Я старался идти за ним след в след. Он часто спотыкался, скользил по грязи.

На дороге блестели лужи. Приходилось шагать по ним, обходить некогда было. Ноги промокли насквозь, ботинки стали тяжелыми. Я с трудом вытаскивал их из грязи, боялся, что они сползут, придется идти босиком. Липкий пот покрыл меня

с головы до ног. Его капли жгли глаза, щекотали лицо, сбегали по подбородку. Болела спина. Поясницу пекло, как огнем. Одна граната ребром уперлась в тело и больно давила.

Мы подошли к первой хате. Потерплю до следующей. Дошли до нее. Еще потерплю. Миновали третью хату. Яшка повернул влево.

— Пётр Иваныч! — крикнул он задыхаясь.

— Здесь, — ответил знакомый строгий голос.

С разведчиками в бою

Свет горящей хаты и сюда доставал. Наши лежали на мокрой земле, а слева от них — бойцы-автоматчики.

Пётр Иваныч повернулся на бок и смотрел на нас.

— Принес? — спросил он Яшку.

— Принес. У меня патроны, у Федьки — гранаты.

— А ты откуда взялся?

— Они тут недалеко, в овражке, — ответил за меня Яшка. — И гранаты наши.

— Как у Егорыча?

— Порядок. Сам хотел подъехать. Дал Федьку, наказал сразу же обратно прислать.

— Пришлем. Чего стоишь? Ложись! — приказал мне Пётр Иваныч.

Я повалился на бок рядом с ним. Он нетерпеливо сдернул мешок с моей спины. Я закрыл глаза, полежал немного в полной темноте.

Пётр Иваныч вынимал гранаты из мешка и засовывал за пазуху. Потом раздал гранаты разведчикам. Разведчики и автоматчики снаряжали диски.

— Держи! — Пётр Иваныч протянул мне пустой, совсем легкий мешок.

Кто-то из разведчиков подал ему зажженную цигарку. Он курил частыми затяжками и не отрывал взгляда от высоты. Она возвышалась черной громадой. Над ней по-прежнему с дрожащим светом поднимались ракеты. Не докурив цигарку, Пётр Иваныч отбросил ее в сторону.

— Все снарядили? — спросил он жестким голосом и скомандовал: — Бежать и ложиться по моей команде! А ты чеши к Егорычу! — приказал он мне. — Передай, пусть еще гранат и патронов припасет.

— Понял.

— Приготовились, — тихо сказал Пётр Иваныч.

Как только в небе погасла немецкая ракета, он крикнул: «Вперед!» — приподнялся на руках,

вскочил и побежал к высоте. За ним бросились остальные. Вспыхнула новая ракета. Наши тут же упали, слились с черной землей. Ракета погасла. Я услышал топот. Наверное, они снова побежали. На высоте мелькнула вспышка и раздался далекий гранатный взрыв. За ним второй, третий. Потом еще и еще. Это рвались наши гранаты! А слева на высоту накатывалось громкое «ура!». Стреляли и винтовки, и пулеметы, и автоматы. Стрельба всё усиливалась.

Сколько времени прошло, я не знал. Наверное, очень много. Но вот выстрелы стали доноситься всё глуше и наконец совсем стихли.

И только теперь я очнулся, почувствовал, как долго я сидел на земле. Сразу все тело заныло от неподвижности. Особенно онемела шея. Голова клонилась к земле. Веки стали тяжелыми. Казалось, будто они забиты песком.

Высота

Темнота начала рассеиваться. Небо постепенно светлело. Я заставил себя встать. Хата, около которой я лежал, была разбита снарядом, одна стена обвалилась. У двух других хат были выбиты окна, во многих местах пробиты стены, обгорели

крыши. Хата на пригорке всё еще догорала, и по ее развалинам бежали низкие языки пламени.

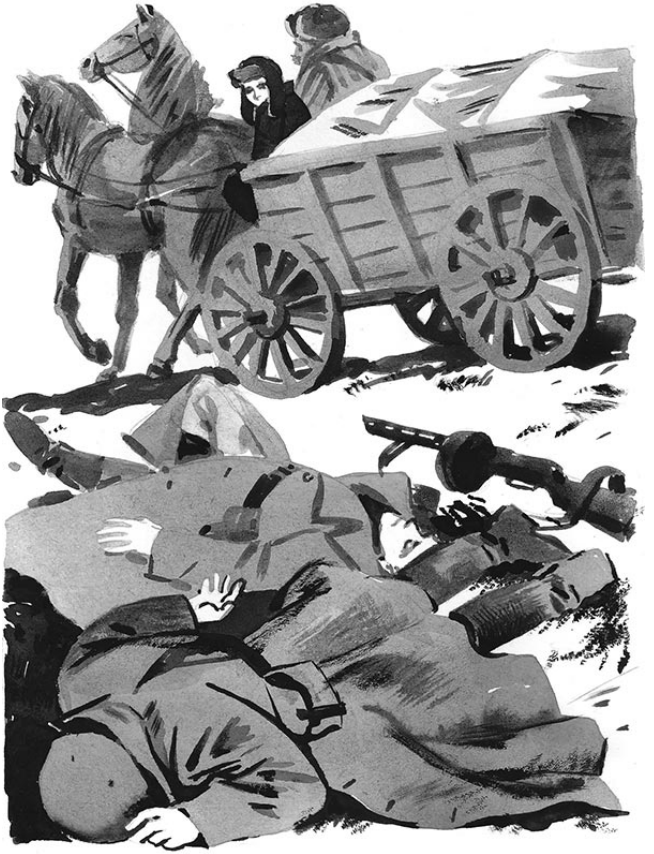
Я пошел назад. Наша повозка уже выезжала из оврага. До него-то, оказывается, было недалеко, а ночью так тяжело было идти. И долго. Как только повозка поравнялась со мной, дядя Вася сердито сказал:

— Чего застрял? Хотел уж бежать за тобой. Нету и нету. Как там наши?

— Не знаю. Пётр Иваныч сказал, чтобы вы гранат еще приготовили и патронов.

Я взобрался на повозку, и лошади тяжело потащили ее по дороге.

Солнце медленно поднималось позади нас и бледным светом освещало землю. Она вся была в воронках. Чем ближе мы подъезжали к высоте, тем воронок становилось больше.

Дорога проходила рядом с высотой. Сейчас на ней стояла неживая тишина. Торчали бревна разбитых немецких землянок, зияли развороченные окопы и траншеи. И столько было убитых! Они лежали по всему склону. Кто на боку, кто на спине, запрокинув голову, кто уткнулся лицом в мокрую землю. Никогда еще я не видел столько убитых.

Раньше, до войны, я боялся смотреть на мертвых. А потом столько на них насмотрелся. И на тех, кого бомбами убивали, и на расстрелянных, и на мальчишек, которые разбирали снаряды. И все равно сейчас было страшно. Недалеко от дороги лежал на спине боец. Одна нога у него подвернулась, и он всем телом навалился на нее. Хотелось, чтобы он поскорее встал, выпрямил ногу. Но он лежал не шевелясь, и на бледном лице у него запеклась кровь.

Повсюду валялись пулеметы, винтовки, противогазы, вещевые мешки. Они валялись как попало — и рядом с бойцами, и далеко от них.

Я боялся увидеть среди убитых кого-нибудь из разведчиков, и все же не мог отвести от них взгляда. Дядя Вася тоже смотрел на них, и лошади, испуганно подрагивая ушами, поворачивали к ним головы.

На самой вершине, где были разбитые окопы, землянки и траншеи, лежали убитые фрицы. И было разбросано много немецких автоматов, винтовок и фауст-патронов.

Наконец мы миновали высоту и догнали знакомых артиллеристов, с которыми я стрелял по немцам. Лошади медленно тащили пушки. Артиллеристы устало шли рядом. И только один лежал неподвижно на лафете. Тот старый артиллерист, которому я подавал снаряды. Его тело подрагивало сейчас на жестком железе, и у глаз застыла кровь. Морщины на лице еще глубже врезались в кожу.

Артиллеристы не обратили никакого внимания на нашу повозку, когда мы стали обгонять их.

А я всё не мог оторвать глаз от старого артиллериста на лафете.

Хороним Сарпахана

Какой тяжелый был бой на высоте! Там нашего Каржаубаева убили. Сейчас он лежал в кухне на плащ-палатке.

Наши не только высоту отбили у немцев, но и село заняли.

Мы разместились в одной из хат и теперь соби-

рались хоронить нашего Сарпахана на кладбище. Пётр Иваныч отправил двух разведчиков вырыть могилу.

Сарпахан лежал у стены такой неподвижный, весь так вытянулся, как лежат только мертвые. Лицо его было спокойно, будто он спал, а кожа на лице — сухой, даже немного побелела. Он лежал в гимнастерке. На груди было засохшее кровавое пятно и во многих местах дырки. Около Сарпахана присели Пётр Иваныч и дядя Вася и платками обмывали лицо, очищали от грязи гимнастерку, брюки, сапоги.

Мне было страшно подойти к нему поближе. Я понимал, что он убит. А все равно не верилось. Казалось, что он просто так лежит, устал после боя и молчит, как всегда молчал.

Витя держал на коленях прибитую к палке дощечку и выводил на ней химическим карандашом буквы.

Когда все было приготовлено, дядя Вася постелил в повозку сено, а сверху — Сарпаханову шинель. Она была совсем новая, только немного мятая. Разведчики осторожно положили Сарпахана на шинель, и мы направились на кладбище.

Лошади шли медленно. Мы держались за повозкой. Разведчики не смотрели на Сарпахана.

А я не мог удержаться, мне хотелось смотреть и смотреть на него.

Наконец мы пришли на кладбище. Наши уже вырыли широкую, по пояс могилу.

Дядя Вася вытащил из-под Сарпахана шинель и спрыгнул в могилу. Одну полу он расстелил на дне. Пётр Иваныч и Витя опустили Сарпахана на шинель. Дядя Вася второй полой укрыл его. Пётр Иваныч бросил на шинель горсть земли. Я тоже бросил, и моя горсть была не меньше, чем у других разведчиков, и земля упала там же, где у Петра Иваныча и Вити. Потом Яшка и еще один разведчик стали сбрасывать землю лопатами. Она тяжелыми комьями падала на шинель, и каждый раз я вздрагивал.

Я боялся, что вот-вот заплачу.

Над могилой вырос холмик. Там, где была голова Сарпахана, Витя вогнал в землю палку с дощечкой. На дощечке была звездочка и надпись: «Красноармеец-разведчик Сарпахан Каржаубаев. Погиб смертью храбрых в боях за Родину. Март 1944 г.».

Разведчики подняли вверх автоматы. Над могилой прозвучали три залпа. Мы стояли в тишине, опустив головы, и никто не решался уйти первым. Наконец Пётр Иваныч повернулся и пошел

к повозке. За ним и мы. Я всё оглядывался на могилу Сарпахана. Такой она была одинокой. И мы будто были виноваты, что оставили его там одного, среди крестов на чужом кладбище.

Часть третья
В тылу

Глава первая
Фронтовая баня
Едем в тыл

Я проснулся. Надо мной блестело утреннее солнце. Плыли облака. Ни разрывов, ни выстрелов не было слышно. Только поскрипывали колеса.

Мы ехали в тыл на отдых! Вчера вечером мы всем полком выступили из села. Разведчики, как и в наступлении, ушли раньше. Вместе со штабными офицерами они выберут место, где полк будет отдыхать. А мы с дядей Васей двигались в общей колонне.

Я откинул шинель, которой он меня укрыл, и перебрался на сиденье.

— Выспался? — спросил дядя Вася.

— Дядя Вася, вы ложитесь! Я хорошо буду ехать, правда!

Он улыбнулся:

— Я немного вздремну. Старому человеку много ли сна надо? Как птице на ветке. В случае чего, разбуди.

Он передал мне вожжи, откинулся на сиденье

и подобрал ноги. Он все вздыхал, ворочался и никак не мог уснуть. Наконец затих.

Хорошо после сна. Рядом в обтертых шинелях шли бойцы. Все из нашего полка. Как много нас было, хотя разведчики и говорили, что полк понес большие потери. Бойцы переговаривались, курили на ходу.

Мы подходили к селу. Все хаты здесь были целыми, нигде ни одной воронки. Народу в селе было много и полно мальчишек. Они выбегали на дорогу, смотрели на нас и на меня тоже.

Рядом со мной лежал автомат дяди Васи. Я взял его в руки. Сразу автомат и вожжи вместе держать трудно, но я старался, чтобы у меня был боевой вид, чтобы эти мальчишки не думали, что я просто так ехал. Пусть они думают, что это мой автомат и я с ним воевал. Они небось не видели того, что я видел, и в боях не были, и с артиллеристами не стреляли, и гранаты разведчикам не подносили.

Мы проехали село, и снова потянулись поля. Я положил автомат на место. И тут проснулся дядя Вася.

— Вздремнул немного — и совсем другое дело. На войне сон да еда на пользу всегда.

Он хмуро смотрел на поля, будто видел там

что-то нехорошее. Поля как поля. Ничего особенного. Только густо поросли бурьяном. Дядя Вася вздохнул:

— Сорная трава хорошо растет. А пахать-то самое время.

— Я тоже пахал, — похвастал я. — Только плуг тяжелый попался. Чуть не задавил. И мозоли потом болели.

— Плугом много не вспашешь. Сюда бы трактор…

Дядя Вася увидел межи, которые тянулись вдоль и поперек полей, и снова вздохнул:

— Не выйдет тут дело с трактором. Запутается в межах. Единоличники. Не дошло у них до колхозной жизни. А земля хорошая. Если посеять вовремя — хлеба много соберешь… Как-то теперь у нас без мужиков управляются? Тоже небось на плуги перешли.

Он замолчал.

Мы уже долго ехали, солнце стояло над головой, когда я заметил на дороге фанерную указку: «Хозяйство Козлова». Козлов? Это же наш Батя, командир полка! Вдали показалось село, а справа, на пригорке, стояла крепкая куркульская хата. К хате с дороги направляла вторая указка. Крупно углем на фанерке было выведено: «Хозяйство

Дёмушкина». Это наше хозяйство, разведчиков. А написал Витя (я узнал его буквы) специально для меня и дяди Васи.

У хаты был нежилой вид: во дворе пусто и дверь заперта.

Я спрыгнул на землю и побежал к двери.

— Стой! — крикнул дядя Вася.

Я остановился и удивленно обернулся к нему.

Он осторожно зашагал к хате, всматриваясь в пустые окна. Подошел к двери, внимательно осмотрел ее, взялся за ручку и тихонько потянул. Дверь медленно заскрипела. Дядя Вася скрылся за ней, потом снова появился на крыльце:

— Порядок. На войне всяко бывает. Дернешь дверь — и сам вместе с нею на воздух взлетишь… А наших-то пока нету.

На посту

Разведчики входили в хату, как после боя или разведки. Дядя Вася приготовил поесть. Но они в телогрейках и сапогах валились на шинели и сразу же засыпали. Только Яшка успел отчаянно проговорить:

— Эх, раздень меня, разуй меня, а уж заснуть-то я и сам засну!

Пётр Иваныч присел у стола.

— Измотались как черти, — сказал он дяде Васе. — Все деревни обошли, лес прочесали. Пехоте место в деревне определили, а сами решили тут остановиться. Хозяин злой попался. Не пожелал с нами знакомство вести. Всё попрятал и куда-то исчез. Без него обойдемся, свободнее будет. Как у тебя с харчами?

— Надо бы ходку на склад сделать.

— Давай. А мы пока отоспимся.

Пётр Иваныч лег на бок рядом с Витей и закрыл глаза. И тут я впервые увидел у него седые волосы.

Разведчики лежали вповалку во всю длину комнаты. Яшка свободно раскинулся на шинели. Во сне он пожевывал губами и тонко посвистывал носом. Витя спал на правом боку, подложив под щеку ладонь. Я уже привык видеть, что около Вити справа всегда лежал Каржаубаев. Сейчас там было пусто.

В тылу наши отоспятся. И днем и ночью будут спать. Наверное, даже раздеваться будут. Я сидел на лавке, смотрел на них и старался дышать потише.

Рядом с разведчиками лежали их автоматы. А если мне почистить их? Проснутся наши, а авто-

маты блестят как новенькие. Вот удивятся!

Я осторожно расстелил в кухне плащ-палатку и положил все автоматы в один ряд. Новые автоматы, которые разведчики недавно получили в городе, сейчас мало отличались от Витиного старого. Чернота у них во многих местах облезла, на железе и на дереве прикладов блестели царапины.

В кухню со двора вошел дядя Вася. Он удивленно посмотрел на меня.

— Можно, я почищу? — попросил я виновато.

— Это ты верно надумал. Только проверить надо! Как бы у кого патрон в патроннике не остался!

Мы вместе отсоединили все диски и проверили патронники. Если там окажется пуля, жди беды, своего можешь убить. Дядя Вася достал из вещевого мешка масленку, нашел тряпку и разорвал ее на куски:

— Ты чисть, а я за харчами съезжу. Поглядывай, чтобы порядок был.

Он осторожно прикрыл дверь в комнату и вышел.

Я начал с автомата Петра Иваныча. Быстро разобрал его, смочил тряпочку в щелочи, намотал на шомпол и с дула стал протирать ствол. Когда

вытащил шомпол, тряпочка была совсем черной. Четыре тряпочки сменил, пока очистил ствол от нагара. Потом вычистил все остальные части. Наступило самое приятное: вместо протирки я навинтил на шомпол ершик, окунул его в масло и стал смазывать ствол. Ершик ходил легко-легко. Тряпочкой я смазал другие части, собрал автомат и положил на место.

Так же старательно я вычистил автомат Вити. Когда у меня будет свой автомат, я всё время буду его чистить, как раньше Сарпахан.

Тут я вспомнил, что дядя Вася велел мне охранять наших. А я сижу в хате. Здесь же ничего не увидишь. Автоматы я потом дочищу, когда разведчики проснутся. Я взял Витин автомат, повесил на грудь и вышел во двор.

За дорогой блестела луговая трава. Я любил пасти коров на лугу. Хорошо бы сейчас и наших лошадей попасти. Вернется дядя Вася — скажу ему. Дорога, по которой мы приехали, тянулась дальше вправо, в село. Позади хаты вдали возвышалась усадьба. Левее выглядывали крыши хат, темнел лес. Между хатой и усадьбой тянулся овраг. Хорошее место выбрали разведчики. И видно отсюда далеко, и луг рядом. Наверное, и речка где-нибудь близко.

Я ходил вокруг хаты, крепко сжимал автомат, внимательно смотрел на луг и на дорогу, на овраг и на усадьбу.

И вдруг я увидел, как от усадьбы кто-то пробирается. Кто это? Почему идет не по дороге, а через овраг? Прячется, озирается, будто за ним гонятся. Это же шпион немецкий! Точно! Переоделся в нашу форму, чтоб его не узнали.

Он подходил всё ближе. Теперь его хорошо можно было рассмотреть. Молодой, чем-то похож на Яшку, в новой красноармейской форме, без винтовки. Тоже замаскировался! В нашем полку не было бойцов в новенькой форме да еще без винтовки или автомата. Он все смотрел на нашу хату, думал, наверное, что его никто не видит.

Я спрятался за углом. Когда боец подошел совсем близко, я выскочил, наставил на него автомат и отчаянно, что было силы закричал:

— Хальт! Хенде хох![2]

Шпион остановился как вкопанный.

— Хальт! Хенде хох!

— Чего?

— Руки вверх! Понял?

— Чего орешь?

---

[2] Примечания: 2
Стой! Руки вверх! (*Нем.*)

— Стрелять буду!

— Ты что? Ты что? Опусти автомат. Слышь, говорю, опусти! Убьешь!

Шпион не убегал и не собирался поднимать руки. Он уставился на меня испуганными глазами и ругался:

— Не балуй, тебе говорят! Кончай шутки шутить!

Вдруг сзади раздался строгий голос Петра Иваныча:

— Что за шум?

Я оглянулся. Пётр Иваныч спокойно смотрел на нас.

— Кто такой? — спросил он шпиона.

— Да вот… — протянул тот обиженно.

— Чего — да вот?

— Посыльный я, из штаба. Шел к вам, а тут этот с автоматом.

— Топал-то зачем?

— Велели вам сразу же в баню идти. Истопили вон там, в деревне.

— Понятно. А ты чего без оружия ходишь?

— Быстрей хотел.

— Быстрей… — Глаза Петра Иваныча сощурились. — Давно в строю?

— Только привезли из запасного.

Посыльный… Назваться не мог. Фронтовика сразу видно. А этот еще новичок, только приехал на фронт.

— Ошибочка вышла, — посочувствовал мне Пётр Иваныч. — Но ты не расстраивайся. Лучше переглядеть, чем недоглядеть. Береженого и Бог бережет.

Хороша банька!

Вернувшись в хату, Пётр Иваныч увидел свой вычищенный автомат.

— Твоя работа?

— Ага.

— Спасибо, помощник.

Приехал дядя Вася и стал сносить в комнату продукты.

— В баню зовут. Фронтовую, видать, соорудили, — сказал ему Пётр Иваныч. — А будить жалко. Эх, спим, спим, а отдохнуть некогда!

Он нахмурился и вдруг безжалостно крикнул:

— Поднимайсь! Собираться в баню!

Разведчики зашевелились. Как им не хотелось вставать!

— Подъем! Взять полотенца! Мыться пойдем! — продолжал будить разведчиков Пётр Иваныч.

Разведчики полезли в вещевые мешки. А у меня еще не было ни своего вещевого мешка, ни полотенца. Мы с дядей Васей одним вытирались. Значит, я не пойду в баню? Но дядя Вася достал полотенце и протянул мне.

— А вы?

— Потерплю маленько. Хозяйство без присмотра не оставишь. Воротитесь, тогда я съезжу.

Разведчики шагали в баню в одних гимнастерках, а я — в курточке. Я буду мыться в настоящей фронтовой бане! У Третьяка я мылся зимой в корыте или тазу, а летом — в речке. И белье свое сам стирал.

Яшка, блестя круглыми глазами, рассказывал:

— У нас дома своя банька есть. Дед в огороде срубил. В ней уж попаришься так попаришься! Залезешь по-пластунски да как поддашь парку… Но с дедом мне не сравняться. Напустит пару — задохнешься. Я не выдерживал. А ему хоть бы что: хлещет себя веничком и крякает. Зимой, в самый мороз, напарится, выскочит голышом — и в снег. Поваляется, покатается — и снова на полóк. До девяноста лет прожил — ни насморка, ни чиха.

Мы вошли в село. Где же баня? Пётр Иваныч повел нас во двор, где стоял грузовик.

Здесь возле сарая под двумя железными бочка-

ми на кирпичах горели костры. Одна бочка была накрыта крышкой, а из другой, открытой, поднимался пар. В грузовике с откинутым задним бортом большими стопками лежало белье. Оно было такое чистое, что даже глазам не верилось. Около него хлопотали две девушки в гимнастерках и зеленых юбках.

Пётр Иваныч подошел к грузовику. Девушки поздоровались с ним, как со старым знакомым. Они дали ему белье и полотенца на весь наш взвод. Пётр Иваныч попросил одну из них:

— Подбери чего-нибудь новому разведчику.

Девушка внимательно посмотрела на меня и улыбнулась:

— Где это вы нашли такого большого? Ишь, фронтовичок какой! Подберем что-нибудь!

Вслед за Петром Иванычем мы пошли в сарай. В нем плавал пар. На полу были настелены доски, стояли лавки, табуретки. Возле них разбросаны железные тазы. Около дверей стояла еще одна железная бочка с водой, ведра и ящик с кусками черного мыла.

Мы, торопясь, начали раздеваться. Старый боец, который здесь хозяйничал, собрал нашу одежду, отнес к закрытой бочке и запихнул в нее. Пока мы будем мыться, одежда хорошо пропарится.

Я с удивлением смотрел на разведчиков. У них были черные от загара лица и шеи, а тело совсем белое.

Пётр Иваныч усмехнулся:

— Загар фронтовой, только до шеи.

И у меня тоже был фронтовой загар.

Пётр Иваныч стоял ко мне боком. У него на белой коже был длинный красный шрам. От него вправо и влево расходились шрамы поменьше. Это тяжелое ранение. Петру Иванычу за него дали красную нашивку.

Я хотел мыться с Витей, но его уже кто-то взял в пару. Я стоял около Петра Иваныча и не решался отойти от него.

— Начнем, Фёдор, водную процедуру, — сказал он нетерпеливо.

Мы взяли тазы и поставили их рядом на лавку. Старый боец принес горячую воду. Пётр Иваныч протянул мне мочалку и мыло:

— Чтоб всю грязь смыл! На развод ничего не оставляй!

Я неловко намылил голову большим куском мыла. Волосы слипались, я ерошил их и старался быстрее смыть мыло, чтобы не попало в глаза. Потом работал мочалкой, обливал себя теплой водой. Было немного больно, весело и жарко.

Каким я теперь стал легким, чистым!

Пётр Иваныч растирал мочалкой свое тело. Я смотрел на его руки и боялся, как бы он не задел шрам. Но мочалка, как только доходила до шрама, сразу же убегала вверх, и по шраму лишь мягко стекала пена.

Разведчики радовались чистой воде, плескались, брызгали друг на друга, как маленькие. Мне тоже хотелось поиграть — я набирал воду в горсть и тонкой струйкой выпускал в таз.

— Голову хорошо вымыл? — спросил Пётр Иваныч. — Ну-ка становись! Крепче держись за лавку. Надраю тебя, чтобы блестел, как медный самовар!

Он густо намылил мочалку. Я покрепче уперся в лавку. Пётр Иваныч поддерживал меня левой рукой, а правой тер спину, бока, шею. Хоть и больно было, но я молчал, только крепко сжимал зубы.

Наконец Пётр Иваныч кончил тереть, окатил меня водой, и я с облегчением вздохнул.

— Порядок, — сказал Пётр Иваныч. — Сколько ни мойся, белее снега не будешь.

Мы первыми кончили мыться. Глядя на нас, и другие разведчики окатывали напоследок себя чистой водой. Все раскраснелись. Яшкино округлое лицо блестело пуще прежнего.

Разведчики присаживались на лавки, вытирались старыми полотенцами. У меня немного кружилась голова, хотелось пить.

Старый боец принес нашу одежду. Она густо пахла семечками. Разведчики стали одеваться. Как им нравилось натягивать чистое белье!

А когда же мне принесут?

Старый боец снова появился в сарае.

— Где тут самый большой разведчик? — спросил он весело. — Держи обновку!

И он протянул мне настоящее красноармейское белье. Рубаха и кальсоны были как раз по мне, по краям подшиты белыми нитками. И белье было точь-в-точь такое же, как у разведчиков.

Глава вторая
Я – почтальон
Подарок Петра Иваныча и Вити

Мы недолго простояли в куркульской хате. Нас перевели в усадьбу, в штаб полка.

Штаб разместился в каменном доме с высоким крыльцом и большими светлыми окнами. Дядя Вася вместе с разведчиками притащил в комнату длинный стол и стулья на всех, вынес лишние вещи.

Разведчики теперь ходили в гимнастерках и пилотках. А Пётр Иваныч носил мягкую фуражку с зеленым козырьком. В доме все были в военном и только один я в гражданском, вроде чужой.

Как-то вечером Пётр Иваныч, Витя и дядя Вася о чем-то тихо разговаривали. Я подошел к ним. Они повернулись ко мне. Глаза их были хитрыми. Пётр Иваныч вдруг громко сказал, будто меня и не было в комнате:

— Как, Витёк, думаешь, может, пора уже нашему Фёдору настоящим разведчиком быть?

— Думаю, пора.

— А ты, Егорыч?

— Заждался Федюшка, давно пора.

— Значит, решено!

Пётр Иваныч, как фокусник, вытащил из-за спины новые кирзовые сапоги:

— Получай, Фёдор.

— А это добавка к ним. — И Витя положил рядом с сапогами новое обмундирование.

— Доволен? — спросил Пётр Иваныч.

Я от радости совсем растерялся. Все слова вылетели у меня из головы.

Пётр Иваныч усмехнулся:

— Однако сапоги-то великоваты. Впору прятаться в них. Перешивать придется.

— Это уж по моей части, — сказал дядя Вася. — До фронта сапожным делом занимался, а тут и вовсе сапожником стал.

Дядя Вася всё может

На другой день после обеда мы с дядей Васей пошли в сапожную мастерскую. Она находилась в том же селе, где и баня. Из усадьбы к селу вела прямая дорога.

Дядя Вася нес сапоги под мышкой. Чего он только не умел — и пахать, и сеять, и косить, и жать, и дом поставить, и за лошадьми ходить, и одежду

починить, и еду приготовить! А теперь он мне сапоги сошьет!

Мы вошли в хату. В ней кисло пахло кожей. В углу в кучу были свалены красноармейские ботинки и сапоги. На длинном низком столе лежали дратва, куски кожи, сапожные колодки, железные и деревянные гвоздики, грязный воск.

На раскладных стульчиках сидели бойцы в фартуках и тачали сапоги. Все они были старше разведчиков, а один, с усами, даже старше дяди Васи. Работали молча. Только слышался стук молотков по коже.

— Привет, славяне! — поздоровался дядя Вася.

— Егорычу — почтенье, — ответил усатый.

— Поработаю немного. А то вот разведчик наш без сапог ходит.

Дядя Вася надел фартук, сел на свободный стульчик, вытащил из кармана прихваченный в штабе лист бумаги и расстелил на полу:

— Сымай правый ботинок и ставь сюда ногу.

Он обвел карандашом на бумаге мою ступню, посмотрел на лист и сказал огорченно:

— Где ж на тебя тут колодку подберешь?

— Чего заскучал? — посмотрел на дядю Васю усатый. — На, держи! Подгонишь на пацана!

Усатый кинул ему две деревянные колодки.

Они были старые, все в маленьких дырочках от гвоздей. Дядя Вася повеселел, взял сапожный нож, быстро подогнал колодки под мои ноги. Потом поточил нож на оселке и принялся за сапоги. Он легко резал кожу, натягивал ее на колодки, вколачивал тонким молотком гвоздь к гвоздю, протягивал обеими руками дратву. С его лица не сходила улыбка. Он всегда был таким, когда делал какое-нибудь невоенное дело.

Уже совсем свечерело, когда дядя Вася закончил работу. Он разогнул спину и положил руки на колени:

— На сегодня хватит. Посижу еще денек — и сапоги будут в самый раз.

Когда мы вернулись к себе, нас ждал Витя:

— С портным договорился. Сейчас был здесь. Земляк. Наш, воронежский. На одной улице жили. Узнал обо мне, сам разыскал. Завтра утром пойдем к нему.

На фронте бойцы всегда земляков ищут. Тут земляки — как родные братья.

— Мишка свое дело знает, — рассказывал Витя. — Мастер высшего класса. У нас в ателье работал.

Серьезный портной

Портновская мастерская помещалась рядом с сапожной, в соседней хате. В ней было чисто, приятно пахло горячим утюгом, шинельным сукном. В углу стояла швейная машинка.

Портной сидел на столе, подставив под ноги табуретку. Он низко склонился над новеньким офицерским кителем с наметкой белыми нитками и работал иглой. На шее у него висел матерчатый сантиметр. Увидев нас, он улыбнулся Вите и соскочил на пол.

Он хромал и немного горбился.

— Явился, клиент, — сказал портной важно. — Очень приятно. Что желаете заказать? Слушаю вас.

Портной обращался ко мне по-взрослому и как будто совсем не замечал Витю. Может, он забыл, о чем тот его просил?

— Значит, форму шить будем, — продолжал портной тем же тоном. — Надеюсь, материал не забыли? Прошу.

Я протянул ему сверток. Он ловко развернул его, расстелил на столе брюки и гимнастерку, уперся левой рукой в бок, правой взялся за подбородок

и, прищурясь, смотрел на обмундирование.

— Та-ак, — протянул он важно. — Материал подходящий. Прошу, клиент, раздеваться.

Я торопливо стащил с себя курточку, рубашку.

— До пояса. Только до пояса. Хватит.

Он неожиданно сильно взял меня под мышки и поставил на табуретку:

— Стоять смирно. Пятки вместе, носки врозь. Дышать разрешается.

Портной стал меня обмерять. Руки его быстро делали свое дело. Холодный сантиметр щекотно прикасался то к груди, то к спине, то к животу. Портной подошел к столу, записал на бумажке цифры и опустил меня на пол:

— Можете одеваться.

Он вооружился большими ножницами и начал быстро разрезать по швам гимнастерку и брюки. Мне стало жалко их. Куски материи он раскладывал на столе, прикладывал к ним сантиметр, уверенно проводил мелком ровные линии. В его руках снова защелкали ножницы. Я затаив дыхание смотрел на него. Витя тоже притих. А портной будто забыл о нас.

— Ну, мы пошли, — сказал Витя, — не будем мешать. Когда приходить?

Портной поднял на нас глаза, задумался:

— Завтра утром прошу. Думаю, обойдемся без примерки.

Уходить из мастерской не хотелось. Если бы мне разрешили, я бы все время сидел здесь, пока портной не сошьет обмундирование.

На столе лежала стопка новых погон из шинельного сукна. Для меня они были велики. А портной, может, и не вспомнит о погонах.

— Вы мне погоны сделаете? — осторожно спросил я.

— Непременно. Какой же разведчик без погон? До завтра, уважаемый клиент, до завтра.

Мы с Витей вернулись в усадьбу. Солнце скрылось за притихший сад. Мы распахнули окна, и теперь прохладный воздух гулял по комнате. Я подошел к окну. На меня смотрела яркая звезда.

Уже все крепко спали, а я никак не мог уснуть. Неужели завтра у меня будет своя собственная форма и я наконец стану настоящим бойцом? А вдруг нас сейчас куда-нибудь отправят или снова начнется наступление? Скорей бы ночь кончалась.

Я и не заметил, как уснул. А проснулся, было еще темно. Я нетерпеливо поглядывал на небо. Быстрей бы рассветало!.. Ну вот, теперь можно идти. Я стал одеваться. Витя, который спал рядом,

проснулся:

— Что, не терпится? — Он посмотрел в окно. — Ладно, беги. Только быстрее назад.

Я бежал во весь дух и вошел в мастерскую, тяжело переводя дыхание.

— Заказ исполнен согласно договору, — сказал портной. Он, наверное, тоже не спал. — Претензии клиента не принимаются. Прошу.

Он протянул мне гимнастерку и брюки. Они были отглажены и аккуратно сложены. Портной мягко похлопал меня по плечу:

— Носи костюм, разведчик. Еще потребуется, входи без стука. Поможем.

Я сказал спасибо и побежал назад. Разведчики ждали меня. Рядом с дядей Васей стояли новенькие сапожки. Витя держал в руках ремень и пилотку со звездочкой.

— Принес? — спросил он и приказал: — Одевайся!

Я сбросил с себя старую одежду и стал натягивать брюки. Руки не слушались. Наконец и брюки были надеты, и гимнастерка застегнута на все пуговицы.

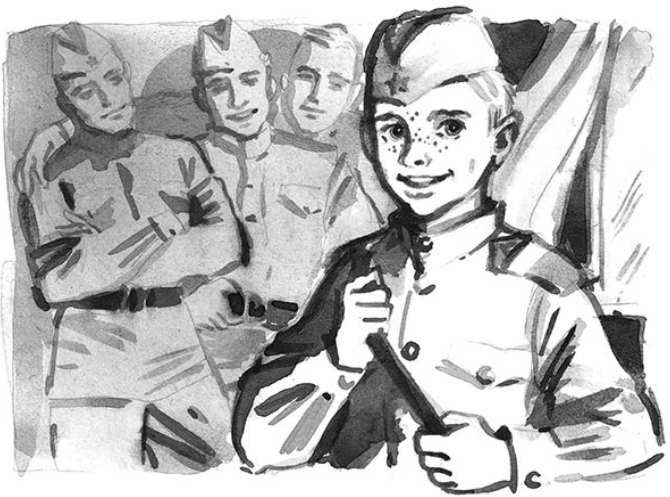
Дядя Вася протянул мне сапожки и портянки. Портянки были настоящие, красноармейские, аккуратно подрезанные, а не тряпки, какие я у

Третьяка наматывал на ноги. Я уже хорошо умел их наворачивать, и сейчас у меня ловко получилось. Я надел сапожки. Ногам было хорошо, нигде не жало, не давило. Я встал. Такие красивые были эти сапожки! Как раз по мне.

Витя помог надеть пилотку и ремень, расправил под ремнем складки:

— Вот теперь молодец — настоящий боец!

На мне была форма бойца Красной армии. И это было такое счастье, лучше которого не придумаешь. Разведчики смотрели на меня и улыбались. И мне хотелось всем им сделать что-то необыкновенно хорошее, чтобы у них было такое же счастье, как у меня.

С Петром Иванычем иду на почту

Что значит военная форма! Меня сразу назначили почтальоном нашего разведвзвода и штаба полка. Почтальон без сумки не почтальон, и Пётр Иваныч отдал мне свою, командирскую. Он и сапоги свои новые мне отдал, которые ему выдали

со склада, а Витя — свое обмундирование.

Носить почту — настоящее фронтовое дело. Письма и газеты на фронте все ждали. Раньше их разведчикам приносили когда придется. А теперь я буду носить каждый день.

Сегодня утром мы с Петром Иванычем первый раз шли на почту. Он покажет дорогу, скажет там обо мне, а потом я буду сам ходить. Почта была в том же селе, где и мастерские.

Роса еще не высохла, блестела серебром, солнце весело отражалось в моих сапожках. Пётр Иваныч не торопился, но все равно шел быстро, широким шагом. Лицо у него было непривычно мягкое, доброе, и он смотрел то на небо, то на поле, то на деревья вдоль дороги.

Я старался идти с ним в ногу, делать такие же широкие шаги, но у меня не получалось. Приходилось все время догонять его. Я начал уставать. Захотелось остановиться, передохнуть. И тут у развесистой березы я увидел ручей.

Он бежал по чистому дну с песком и камешками. Возле него зеленела травка. Я наклонился к ручью и зачерпнул горсть воды. Пётр Иваныч снял свою зеленую фуражку, провел рукой по волосам и посмотрел на березу долгим взглядом.

— А наш-то кедрач покрепче будет… Как ни

старайся, к чужой земле нету у нашего брата привычки, — сказал он тихо, совсем не командирским голосом. — И дождь тут не тот, и солнце не такое, и трава будто знакомая, да не наша. У нас простору душа радуется, а здесь то лесок, то перелесок, то бугорок…

Я удивленно смотрел на него. Раньше Пётр Иваныч так никогда не говорил.

— Передохнули, пошли дальше, — неожиданно оборвал он себя и мерно зашагал по дороге.

В конце села Пётр Иваныч свернул к белой хате с садом.

— Запомнил, куда надо? Сам дорогу найдешь? — спросил он.

— Найду.

И искать-то нечего. Вышел из усадьбы, повернул направо и шагай до самой почты.

Мы вошли в комнату. Ее перегораживал длинный стол. А на двух других лежали письма, газеты, журналы. Пахло чернилами. Здесь работали две девушки в военной форме.

— Привет полевой почте! — поздоровался Пётр Иваныч.

— О, разведчики! — удивилась черноглазая, веселая и хлопотливая. Она увидела меня и подняла брови: — А это кто такой? Тоже разведчик?

— Бери выше! И разведчик, и почтальон.

— Проходи, почтальон, — обратилась девушка ко мне. — Смелее.

Мне уже приходилось видеть девушек на фронте, но такую красивую, как Валя, я еще ни разу не встречал. Ее волосы были похожи на Витины, только еще золотистее и лежали аккуратной волной. А глаза так хорошо улыбались, что и самому хотелось улыбнуться ей. Она была в обычной красноармейской форме — в перетянутой ремнем гимнастерке, зеленой юбке, брезентовых сапогах по ноге. Но на ней форма выглядела как-то особенно красиво. Аккуратно и ловко перебирала она письма и газеты, и те будто сами ложились на свое место. Сразу было видно, что Валя на почте старшая. И Пётр Иваныч посматривал на нее уважительно.

Валя подошла к мне:

— Давай свою сумку, почтальон.

Она положила в нее письма, помогла мне надеть сумку, поправила ремень и дала большую пачку газет. Теперь надо быстрее возвращаться в усадьбу.

Когда мы уходили, захотелось еще раз посмотреть на Валю. Она ласково встретила мой взгляд.

— До свидания, — сказал я тихо.

— До свидания. Завтра приходи, не опаздывай.

Пётр Иваныч не торопился, присел на траву:

— Посмотрим, кому сегодня плясать придется.

Он раскрыл сумку, вытащил письма и стал их перебирать. Вот письмо дяде Васе в большом, склеенном из газеты конверте. Вот Яшке Филину и еще троим разведчикам.

Петру Иванычу писем не было. Он нахмурился, положил письма обратно в сумку.

Как только мы появились в усадьбе, разведчики подбежали к нам. Я положил газеты на траву, достал письма.

— Это вам, — протянул я конверт дяде Васе.

— Спасибо, Федюшка.

— А мне? — Яшка нетерпеливо следил за моими руками, провожал взглядом каждое письмо.

— Есть. Держи.

Яшка выхватил у меня конверт, разорвал его и стал быстро читать густо исписанный листок.

А дядя Вася не торопился разрывать свой конверт. Он, вытянув руки, посмотрел его на свет, потер пальцами и только тогда аккуратно оторвал край.

Занимаемся с Витей

Я раздал все письма и взялся за газеты. В пачке были «Правда», «Комсомольская правда», «Красная звезда» и газета нашей дивизии «Гвардейское знамя». Больше всех газеты любил читать Витя. Я сначала ему буду отдавать их.

А где же он? Почему он меня не встретил? Правда, ему не было письма. Я бы, конечно, ему первому отдал.

Витя был в нашей комнате.

— Явился наконец! — обрадовался он. — А я уж заждался тебя. Заниматься пора. Или забыл уговор?

Еще в наступлении мы с ним договорились, что он будет учить меня грамоте. Я хотел, чтобы у меня и у Вити было какое-то свое, только наше дело. И потом, почтальону без грамоты нельзя. Перед самой войной я должен был пойти в школу, приготовил книжки, тетради — и не пришлось. Я уже тогда хорошо читал: меня мама рано выучила. Потом у Третьяка я старался прочитать всё, что попадалось под руку. Правда, Третьяк столько наваливал на меня работы, но я ухитрялся выбрать время. А вот с письмом дело было плохо. Только

буквы выводить научился.

Я сел за стол, приготовился.

— Держи.

Он протянул мне хорошо отточенный карандаш и толстую тетрадь в картонной обложке с плотными гладкими листами. Он смотрел на меня умными глазами и думал о чем-то хорошем. Теперь он был не просто Витя, а учитель.

— С чего начнем? Давай с алфавита. Проверим, как ты знаешь буквы. Пиши «А».

Вдруг я все забыл и у меня ничего не получится? Как же пишется эта буква?.. Вспомнил! Я старательно налегал грудью на стол и медленно выводил букву «а». Витя наклонился надо мной.

— Смотри ты, хорошо получается! Пиши эту букву до конца строки… Теперь перейдем к букве «Б».

Он сам вывел букву в начале строки. Я старался писать так, чтобы мои буквы были не хуже, чем у него. Мы быстро вспомнили все буквы. Витя обрадовался:

— Не будем терять времени. Начнем писать слова. Пиши: «М-а-м-а».

Он произносил это слово, растягивая каждую букву.

Карандаш вдруг стал непослушным, и буквы с

трудом появлялись на бумаге. Если я напишу это слово до конца, то тут же зареву. Витя с удивлением смотрел на меня. Его глаза стали тревожными. Он всё понял:

— Вот что. Подожди. Ты части автомата помнишь?

— Помню.

— Будем их писать. Начинай: «З-а-т-в-о-р».

Я написал это слово легко, без помарок.

— Молодец! Ну-ка напиши еще раз… Пошли дальше. Пиши: «У-д-а-р-н-и-к».

Витя всё время говорил, поправлял меня. Я постепенно успокоился и думал только о тех словах, которые выводил в тетради.

Наступил вечер. Красное, без лучей солнце село за садом. В окно дул ветер. На землю легли холодные тени.

Надо было готовиться к завтрашнему дню. Утром я отнесу письма на почту. Вот собрать бы их полную сумку! А то придешь с пустой — Валя еще обидится.

Разведчики меня не подвели: они сидели за столом в большой комнате и при свете коптилки писали письма. Я тихо ходил по комнате и ждал, чтобы они сразу отдавали их мне. Даже сумку надел.

На краю стола примостился дядя Вася. Он напряженными пальцами держал карандаш и выводил неровные буквы. Иногда он подпирал голову кулаком и задумывался. Яшка положил перед собой письмо, которое я ему сегодня принес, и писал, все время заглядывая в него. Он сложил письмо фронтовым треугольником и первым отдал мне.

Мертвым письма не пишут

Я держал в руках письмо и ничего не понимал. Это было письмо нашему Сарпахану Каржаубаеву. Мертвым письма не пишут. Его давно с нами нет. Неужели у него дома, там, в Казахстане, не знают об этом? Значит, они думают, что он еще воюет, что с ним ничего не случилось. Они ждут, что он напишет, и кто-то будет прыгать и смеяться от радости, когда письмо от него придет.

Я вспомнил, как еще в наступлении Сарпахан получил письмо. Он смущенно улыбнулся, отошел к стенке, сел на пол, скрестив ноги. Лицо у него стало замкнутое. Он медленно читал письмо, потом снова и снова перечитывал его. И нельзя было понять, хорошее оно было или плохое.

А потом они вместе с Витей писали ответ. Витя

сидел за столом, а Сарпахан стоял немного сзади. Витин карандаш легко бежал по бумаге. Как только он останавливался, Сарпахан что-то длинное тихо говорил ему, и Витя продолжал писать.

Это письмо, наверное, было ответом на то, которое они тогда писали. Я на минуту представил себе, что Сарпахан жив. Я бегу в усадьбу, отдаю ему письмо, и они с Витей пишут новое, я бегу с ним к Вале, и оно летит в далекий Казахстан. А сейчас дорога в усадьбу была такая тяжелая, длинная. И торопиться никуда не хотелось.

Первого я увидел Петра Иваныча. Он смотрел на меня и, видно, хотел спросить, нет ли ему письма. Петру Иванычу и на этот раз писем не было.

Я протянул ему письмо Сарпахана. Он удивленно посмотрел на меня, взял конверт и нахмурился. Подошел Витя. Пётр Иваныч так же молча протянул конверт ему. Витя как будто с трудом разбирал адрес.

— Надо, Витёк, написать им, — сказал Пётр Иваныч. — Видно, «похоронка» не дошла еще. Напиши от всего взвода.

Витя кивнул и ушел с письмом в нашу комнату.

Глава третья
Витя, Валя и пан Адам
Букет пана Адама

Мы в тылу не только отдыхали. Батя приказал не бездельничать, а ежедневно, кроме воскресенья, проводить занятия и тренировки. Мы уже стреляли несколько раз. И я стрелял из Витиного автомата. В лесу разведчики брали «языка», не настоящего, конечно. Я всё делал вместе с ними, и Пётр Иваныч даже похвалил меня.

Сегодня мы снова тренировались в лесу и в усадьбу вернулись только к обеду. Я теперь старался всё время быть рядом с Витей.

Мы вдвоем быстро вычистили его автомат, разделись до пояса и пошли умываться к колодцу. Я шел со своими котелком, полотенцем, мылом. У меня, как у настоящего разведчика, появилось свое хозяйство — вещевой мешок, а в нем толстая тетрадь, карандаш, котелок, кружка, ложка, полотенце, кусок мыла, завернутый в газету, и три автоматных патрона.

Витя умывался первым, я поливал ему из кружки. Вода светлыми каплями стекала с его лица.

Дядя Вася уже приготовил обед. В усадьбе была большущая кухня. Там на весь полк приготовить можно. Дядя Вася почти всё время пропадал на этой кухне. Иногда я ему помогал, иногда кто-нибудь из разведчиков по приказу Петра Иваныча.

Мы с Витей объединились: в один котелок брали на двоих первое, в другой — второе. Он ушел с котелками на кухню, а я выбрал в саду развесистое дерево, чтобы было больше тени, примял сочную траву и стал ждать. Витя вернулся с хлебом и с полными котелками борща и картошки со свиной тушонкой. Я сильно проголодался, но старался есть так, чтобы не опережать Витю.

Мы уже доскребали дно котелка, как вдруг я увидел пана Адама. Он стоял около дерева, опираясь двумя руками на лопату. Пан Адам был здешний садовник. Это был маленький, сморщенный старик с красными, как у кролика, глазами и косматыми бровями. Он один жил во вросшем в землю домике, спрятавшемся среди кустов и деревьев. Пан Адам сторонился нас и смотрел так, будто шпионил за нами. Разведчики проверили его — он не шпионил, а просто боялся. Чего нас бояться? Разве мы гестапо или жандармы?

Пан Адам сейчас смотрел на нас, и по его взгляду я сразу понял, что он голоден. Я хорошо знал,

как смотрят голодные. Сам в оккупации сколько раз не евши ходил. Витя сидел спиной к пану Адаму и не видел его.

Я вскочил. Витя удивленно посмотрел на меня:

— Ты чего?

— Давай его накормим. Он есть хочет. Я знаю.

— Кто?

— Вон.

Витя оглянулся и увидел пана Адама. Тот опять чего-то испугался и быстро ушел.

— Подожди, котелки вымою, — сказал Витя. — Сбегаешь к дяде Васе.

С чистыми котелками я понесся на кухню. Дядя Вася заулыбался:

— За добавкой?

— Это не мне. Здесь пан Адам живет. Ему можно?

— Знаю я этого пана. Чем жив человек, не поймешь. Вроде как святым духом... И чего от нас бегает? Скажи, пусть приходит, а то помрет с голодухи.

Дядя Вася наполнил котелки борщом и картошкой, дал полбуханки хлеба, банку консервов. Я еле дотащил.

Пан Адам около своего дома копался в ящике с землей. Он поднял голову, испуганно посмотрел

на меня.

— Это вам, — сказал я неуверенно.

В городе рядом с нами жили поляки. Я многое понимал, что они говорили, а вот сам говорить по-польски не научился. Я протягивал пану Адаму котелки и хлеб. Но он по-прежнему сидел на корточках и не спускал с меня удивленных глаз. Тогда я осторожно поставил котелки на землю, положил рядом консервы и хлеб и убежал. И уже вдогонку услышал:

— Дзенькуе[3].

Я знал, что у пана Адама был красивый цветник. Мне хотелось посмотреть его. Сейчас, когда мы с Витей отдыхали в комнате, я всё придумывал, как бы его попросить пойти туда вместе.

В дверях появился пан Адам. Он с порога протягивал наши котелки.

— Чего вы там стоите? Заходите! — сказал Витя.

Пан Адам быстро поставил котелки на стол, торопливо пробормотал «дзенькуе» и скрылся за дверью.

— Витя, знаешь, у него цветник есть. Может, посмотрим?

---

[3] Примечания: 3
Спасибо (*польск.*).

— Пойдем, — согласился Витя.

Цветник был за домом пана Адама. Со всех сторон он был окружен деревьями и кустами, точно и он от кого-то прятался. Большим садовым ножом пан Адам ловко обреза́л зелень. Он увидел нас, и глаза его опять стали испуганными. Наверное, боялся, как бы мы чего-нибудь не испортили, не потоптали.

Когда я у Третьяка работал, я помогал хозяйке в цветнике. Я тогда много цветов запомнил и сейчас узнавал их. Вот бархатцы. Они маленькие, желтые. Их листья-перья пахнут медом. На невысокой клумбе в середине цветника росли ноготки и колокольчики. А вон астры, гвоздики, гладиолусы.

Но самыми красивыми были белые и красные розы. Они росли кустами вдоль двух аккуратно подметенных и посыпанных песком дорожек.

Когда мы уходили, Витя предупредил:

— Не забудь ужин отнести старику.

Как я мог забыть? Утром я понес ему завтрак. Я постучал в дверь. Пан Адам открыл, увидел меня и заулыбался:

— А, вояк, дзень добрый, проше, проше![4]

---

[4] Примечания: 4

А, солдат, добрый день, заходи, заходи! (*Польск.*)

В домике была всего одна комната, намного меньше нашей. На глиняном полу стояли горшки с землей, ящики с рассадой. Хорошо пахло зеленью. Я отдал пану Адаму хлеб и консервы.

— Дзенькуе, вояк, бардзо дзенькуе! Ни стеты, ниц немам[5].

Он медленно оглядел комнату. Чего это он? Мне ничего не нужно. Вдруг лицо его стало лукавым:

— Почекай. Зараз я тебе зробе вьензанку квятов. Презентуй го, кому хцешь.[6]

Букет цветов? А зачем он мне? И кому я буду его дарить? Но я ничего не сказал пану Адаму и кивнул. Он вытер о штаны запачканные землей руки, взял садовый нож, и мы пошли в цветник.

Пан Адам внимательно посмотрел на цветы и задумался. Потом подошел к кустам роз, срезал большую белую розу, три красных и разместил их пониже белой, вокруг нее. В букет он добавил еще другие цветы, зелень, перевязал его крепкой тонкой веревочкой и подал мне:

— Проше пана.

---

[5] Примечания: 5

Спасибо, солдат, большое спасибо! К сожалению, мне нечего тебе дать (*польск.*).

[6] Примечания: 6

Подожди. Сейчас я сделаю тебе букет цветов. Подари его тому, кто тебе нравится (*польск.*).

Я осторожно взял букет:

— Спасибо.

И тут я придумал! Я подарю букет Вале. Прямо отсюда пойду на почту. Я положил его на траву, попросил пана Адама:

— Подождите. Сейчас.

Я побежал к себе, надел сумку и вернулся за букетом. Из усадьбы я старался выйти так, чтобы меня никто не заметил.

Чем ближе я подходил к почте, тем больше становилось мне не по себе. Я еще никогда не дарил цветы.

Почтальоны увидели меня и сразу зашумели:

— Вот это разведчик! Мал, да удал!

— Всех переплюнул!

— Разведчики — они лихачи.

— Теперь ему от девчат почет и уважение.

— Да что им букет! Для таких девчонок — хоть в болото головой!

Почтальоны совсем не сердились на меня, они просто так шутили. И мне стало веселей.

Я первый вошел в хату. Валя удивленно посмотрела на букет:

— Ой, розы! Красота какая! Федя, кому это?

— Тебе.

Она засмеялась счастливым смехом:

— Феденька, спасибо!

Валя долго нюхала цветы и улыбалась:

— А где ты взял цветы?

— У нас там садовник живет. Пан Адам. У него цветник. Он мне дал.

Я еще принесу ей цветов. Попрошу пана Адама, и он мне новый букет сделает.

Кто такие суворовцы?

Было воскресенье, и каждый мог делать что хотел. Когда я вернулся с почты, мы с Витей отправились на пруд стирать обмундирование. Я взял с собой сумку с газетами и журналами, которые оставил для Вити и которые сам хотел почитать. Пруд, обсаженный старыми вербами, был здесь же, в усадьбе. Мы разделись и весело принялись за стирку. Сначала отряхнули гимнастерки и брюки от пыли, потом намочили их в теплой воде, густо намылили, вываляли в песке и стали стирать. Выстиранное обмундирование разложили на теплой траве, искупались и легли загорать. Почему-то загар плохо приставал к Вите. Он был всё такой же белый, как и раньше.

Витя не только грамоте, но и разведке меня учил. Настоящий разведчик должен много знать.

У него есть такая наука — слушать. Он ведь больше ночью воюет и должен слышать, за сколько от него фрицы находятся, далеко ли выстрел раздался. Всё это Витя написал мне на листке, чтобы я выучил. И сейчас я достал из сумки листок и стал повторять цифры. Когда хорошенько запомнил, попросил Витю:

— Проверь меня, ладно?

— Проверим. Давай сюда листок, чтобы не подглядывал… Так. Отправился ты в ночную разведку. Залег и вдруг слышишь: идет в строю немецкая пехота. Сколько до нее?

— Триста метров, — ответил я сразу.

— Молодец! На каком расстоянии услышишь выстрел винтовки?

— За три километра.

— Автоматную очередь?

— За пять километров.

— Тоже верно. Знаешь.

Я спрятал листок и вытащил газету «Гвардейское знамя». В ней писали о бойцах и командирах нашей дивизии. Я всё искал, не написали ли что-нибудь про разведчиков, но пока ничего не находил. Тогда я вслух стал читать то, что было напечатано на первой странице большими черными буквами:

— «Меткими выстрелами ты уничтожил десять и более вражеских солдат и офицеров, и тебя наградят орденом Славы. Огнем своего противотанкового ружья ты вывел из строя два фашистских танка, и тебя наградят орденом Славы. Ты первым ворвался в блиндаж, окоп или дзот и уничтожил его гарнизон, и тебя наградят орденом Славы».

Витя лежал на спине, заложив руки за голову, слушал меня и смотрел в небо.

— Витя, а почему про разведку здесь не написали?

— Обо всем не напишешь.

— А что разведчику нужно сделать, чтобы орден Славы получить?

— По-разному бывает, заранее не угадаешь.

— А сколько «языков» нужно привести?

— Иногда и одному цены нет, а другой раз и от десяти никакого толку. В разведке не только «язык» важен. Собственная голова еще больше нужна.

Рассказал бы Витя о себе что-нибудь интересное, что с ним в разведке случалось. Но он не расскажет: разведчики не любят хвастать.

Я достал из сумки журнал «Фронтовая иллюстрация». На фотографиях были Герои Советского

Союза, бойцы в атаках и в окопах.

И вдруг я увидел мальчишек в военной форме. Они шагали в черных гимнастерках и брюках навыпуск. У них были красные погоны и красные лампасы, черно-красные фуражки с твердыми козырьками, как у наших офицеров. Такую форму я еще ни разу не видел. Сверху во всю страницу тянулась надпись: «Суворовцы».

— Витя, кто это?

— Суворовцы и есть. Учатся в Суворовских училищах. Их открыли для ребят, кто без родителей остался. Мы с Петром Иванычем уже говорили, как бы и тебя туда отправить.

— Меня? А что там суворовцы делают?

— Да учатся же.

— И всё?

Вот бы мне такую форму! Если бы можно было сделать так, чтобы и форму суворовцев носить, и от наших никуда не уезжать. Нет, ни за что я не поеду ни в какое Суворовское! Здесь мы и учимся с Витей, и воюем все вместе. А там что?

Вечером мы с Витей ходили в гости к его земляку Мише-портному. Посидели, поговорили, посмеялись. А когда возвращались в усадьбу, я увидел Валю. Она шла по дороге навстречу. Я крикнул во весь голос: «Валя!» — и побежал

к ней.

Валя обняла меня, улыбнулась и спросила немного строгим голосом:

— Ты что здесь делаешь?

— Мы в гостях были.

Подошел Витя. Он так смотрел на Валю, будто увидел что-то необыкновенное. Валя удивленно взглянула на него.

Чего же это я? Валя его совсем не знала, ни разу не видела.

— Валя, а это Витя! Наш Витя!

— Вижу, что ваш.

— Он меня грамоте учит. Я уже слова писать умею. Знаешь автомат?

— Ну?

— Все его части могу написать.

— Ух ты, молодец какой!

— И еще Витя разведке учит.

— Не хвастай, — смутился Витя.

Мне хотелось, чтобы он понравился Вале и чтобы мы втроем дружили. Но Валя почему-то не заговаривала с ним, а только смотрела и молчала. И Витя тоже молчал.

— Валя, а ты куда идешь?

— К себе.

— И мы с тобой.

Впереди показалась почта. Но Валя направилась к соседней хате:

— Вот здесь я живу.

Она остановилась, торопливо поправила волосы.

— До свидания, Федя. Приходи к нам!

— А Вите можно со мной?

— Можно, — тихо ответила Валя, не глядя на

него.

Она заторопилась в хату, но перед дверью остановилась, еще раз внимательно посмотрела на Витю и скрылась.

Нам пора было уходить, а Витя все стоял и смотрел на дверь. Я тронул его за рукав. Он удивленно, будто проснулся, посмотрел на меня:

— Что?

— Пойдем.

— Да, пойдем, — сказал он виновато.

Нужны добровольцы

Однажды утром, только мы позавтракали, Петра Иваныча вызвали в штаб. Он вернулся и построил нас посреди комнаты. Я встал в самом конце строя. После гибели Каржаубаева Пётр Иваныч никого не взял вместо него. И теперь я был тринадцатый разведчик.

Дверь распахнулась, и в комнату вошли Батя, наш командир полка, и высокий худой майор с черными усами и строгим лицом. Батя, подполковник, тоже высокий, но шире в плечах. Гимнастерка у него заправлена под ремень без единой складки. На брюках — стрелки. Фуражка новая, с черным козырьком. Хромовые сапоги

начищены до блеска. Настоящий батя!

Он внимательно посмотрел на нас и спросил Петра Иваныча:

— Все в строю?

— Все.

— Так вот что, глаза и уши армии. Получена задача — провести глубокую разведку в немецкий тыл. Километров на тридцать. Можно, конечно, и приказать, но здесь нужны добровольцы. Так что подумайте.

«Глаза и уши армии». Так на фронте называли разведчиков. Только мы могли увидеть и услышать, что делалось в немецком тылу.

Батя медленно прохаживался вдоль строя и спокойно поглядывал на разведчиков. Те молча смотрели на него и чего-то ждали. Но вот Батя повелительно посмотрел на нас и приказал:

— Кто готов, два шага вперед!

Первым вышел Пётр Иваныч, за ним сразу — все разведчики. Я тоже старательно сделал два шага.

— Так, — сказал Батя, и глаза его потеплели. — Значит, все добровольцы?

— Все. Дружные ребята, — ответил за нас Пётр Иваныч.

— И ты добровольцем? — наклонился Батя ко

мне.

— Ага.

— Рано еще, брат, тебе. Подрасти.

От обиды слезы сами навернулись на глаза. Почему разведчики могут идти, а я — нет? Я с ними столько тренировался. Ну и что, если я маленький? Может, попросить Батю? Нельзя. У нас строже, чем у Третьяка было: раз сказал командир — значит, точка. Выполняй беспрекословно, не спорь и не спрашивай. Да и Батя уже подошел к Петру Иванычу:

— Конкретно вами займется майор Монастырёв.

На другой день рано утром разведчики отправились на задание. Нам с дядей Васей разрешили проводить их до переднего края. До него было километров десять. Дядя Вася сложил в повозку маскхалаты и вещевые мешки. Автоматы разведчики несли сами.

Мы неторопливо шли по тропинке рядом с дорогой. Как всегда, впереди шагал Пётр Иваныч. На боку у него висела легкая офицерская планшетка — он первый раз взял ее с собой. Я шел около Вити. Он что-то хотел сказать мне или спросить. Я ждал-ждал, а он всё молчал. Зато Яшка не умолкал:

— Я почему сам пошел? Потому что Пётр Иваныч идет. С ним не пропадешь. Он заговоренный. Его ни снаряд, ни пуля не берет. А рядом с ним и я целый.

Чем ближе мы подходили к переднему краю, тем чаще попадались бугры свежей земли, воронки от бомб и снарядов. Всё слышнее раздавались выстрелы и взрывы. Я уже немного отвык от войны. В тылу я думал, что если мы не воюем, то и никто не воюет. А война-то шла — и близко.

Мы подошли к лесу слева от дороги. На опушке нас встретил знакомый усатый майор Монастырёв. Он был начальником разведки нашей дивизии. Майор даст разведчикам задание и переправит их в немецкий тыл.

Следом за майором мы вошли в лес. Вокруг было полно сломанных деревьев. На стволах — следы от пуль и осколков. Лежали обугленные и расщепленные сосны. Майор привел нас в самую глубину. Он стал в тени густого дуба, и разведчики подошли к нему.

— Внимание! — сказал майор медленным густым голосом. — Дёмушкин, держи карту.

Он достал из своей сумки совсем новенькую, лощеную карту. Пётр Иваныч развернул ее, стал на колено, подложил под нее планшетку и при-

готовил красно-синий карандаш. Витя достал из кармана гимнастерки самодельный блокнотик, карандаш и приготовился записывать.

— Мы находимся здесь, — показал майор на карте. — Ваш маршрут. Немецкую оборону переходите в устье отдельного ручья. Далее — деревня Омельяник — лес — Озениж — кирпичный завод — деревня Снидын — деревня Ульяники — деревня Омельяник. Получается замкнутый круг. Обратный переход немецкой обороны — правее устья ручья пятьсот метров.

Пётр Иваныч сосредоточенно смотрел на карту и уверенно проводил на ней линии, рисовал кружочки, что-то писал. Витя строчил в своем блокнотике.

— Ваша задача, — голос майора стал жестче, — выяснить, какие части находятся в этом районе, их расположение, состав. На всю операцию — три дня. Передний край нашей обороны пересечь сегодня в двадцать четыре часа. Ваш переход обеспечивает стрелковый батальон с артиллерией. С наступлением темноты саперы проделают проход в минном поле. Взвод располагается и отдыхает здесь. Отсюда выступает только по моей команде. Дёмушкин и Соколовский, вы сейчас пойдете со мной в траншею. На месте согласуем

и уточним детали.

Майор посмотрел на повозку, на нас с дядей Васей и приказал Петру Иванычу:

— Повозку отправьте. Нечего ей тут делать.

Пётр Иваныч подошел к дяде Васе:

— Бывай. Жди нас через три дня. Сюда не приезжай, сами доберемся.

Они крепко пожали друг другу руки. Пётр Иваныч и мне протянул свою твердую руку:

— До свидания, Фёдор.

Я по-взрослому попрощался со всеми разведчиками. Витя отозвал меня в сторону и тихо попросил:

— Пойдешь на почту, передай Вале привет.

— Передам.

Витя еще раз ходил со мной на почту, и они даже немного о чем-то разговаривали. Так, о чем-то взрослом, не фронтовом. Даже слушать было неинтересно. Зато я Вале всё о нем рассказал: и каким он храбрым был в наступлении, и как в разведке немцев на себя выманил, и как лапшичку в лесу ел, и как в ночном бою дрался. Я Вале всё время привет от Вити передавал. И Вите от Вали тоже.

Мы с дядей Васей взобрались на повозку и поехали. Я всё оглядывался: вдруг Пётр Иваныч

вернет нас и велит остаться до вечера.

Мы выехали на дорогу. Солнце пекло. Наша повозка нудно качалась и скрипела.

Поручение Вити

Я даже во сне помнил о поручении Вити. Проснулся пораньше, чтобы сразу идти на почту. Но прежде надо было отнести завтрак пану Адаму. А что, если у него букет попросить? Я и привет Вале передам от Вити, и цветы принесу как будто от него.

Я взял банку консервов побольше, буханку хлеба и побежал к пану Адаму. Он уже работал в своем цветнике.

— Дзень добрый! — улыбаясь, поздоровался он со мной.

— Сделайте, пожалуйста, букет. Мне очень нужно!

Пан Адам вопросительно посмотрел на меня, потом кивнул:

— Згода. Тшеба допомуц жолнежови.[7]

Он раскрыл нож и задумался. Потом быстро срезал мокрую от росы зелень и разложил ее на

---

[7] Примечания: 7
Хорошо. Нужно помочь солдату (*польск.*).

скамейке. Низко срезал несколько роз, положил их ровным рядом на зелень и связал кончики стеблей. Затем он срезал еще три розы повыше и положил их повыше. Розы образовали нарядные ступеньки. К ним пан Адам добавил гвоздики. Цветы он красиво окружил зеленью. И получился не букет — картинка! Лучше, чем первый. Пан Адам торжественно протянул его мне:

— Проше, вояк.

Теперь я не стеснялся и на почте при всех отдал букет Вале. Только сказал тихо:

— Это от Вити.

Она так же тихо ответила:

— Спасибо.

Глаза ее смеялись. Мне нравилось, что у нас была тайна.

Я вернулся в усадьбу. В доме по-прежнему было много народу. В коридоре слышались шаги и громкие голоса. Но это были чужие шаги и чужие голоса.

Я сидел в комнате, и мне так скучно было, хуже не придумаешь. Дядя Вася возился в сарае. Он всегда какую-нибудь работу себе находил: то сбрую чинил, то повозку ремонтировал, то шинели штопал, то лошадей гнал на выпас. А мне сейчас ничего не хотелось, только одного — скорей бы

разведчики вернулись.

А что, если опять пойти к Вале?

Когда я постучал в ее комнату, то сразу же услышал нетерпеливый голос:

— Входите!

Валя сидела на кровати, подперев рукой подбородок, и думала о чем-то грустном. Возле нее на тумбочке стоял букет, который я принес от Вити. Она увидела меня и заулыбалась:

— А, Федя! Заходи, заходи.

Я уже вошел в комнату, а Валя всё еще смотрела на дверь.

— Ты один? — тревожно спросила она.

— Один…

Говорить Вале, что наши на задание ушли, или нет? Это же военная тайна, и никто чужой о разведке знать не должен. Но Валя своя, а не чужая. Ей можно.

— Наши ушли к немцам в тыл. Батя задание дал. А меня не взяли.

— Что, все ушли? И Витя?

— И Витя тоже.

Валя растерянно посмотрела на меня:

— Когда они ушли?

— Позавчера еще.

— А вернутся?

— Послезавтра. Пётр Иваныч обещал.

Валя смотрела на меня, будто ждала, что я еще что-нибудь скажу, потом отвернулась к окну. Ее знобило. Может, она обиделась, что я ей раньше о разведке не сказал?

— Ты чего стоишь? — удивилась она и показала на одеяло рядом с собой. — Садись.

Я молча сел. В хате было тихо, точно и отсюда все ушли на задание. Валя была не такая, как всегда. Она, наверное, тоже беспокоилась за наших, за Витю. Она совсем забыла, что я сижу рядом с ней. Но вот она взглянула на меня, точно еще о чем-то хотела спросить.

— Какой у тебя подворотничок грязный, — вдруг сказала она. — Давай я тебе новый пришью.

— Что ты, Валя! Он чистый, я только вчера его пришил.

— Уже испачкался. Снимай гимнастерку, не разговаривай!

Валя достала из тумбочки чистый подворотничок, нитку, иголку. Подворотничок она пришила быстро, аккуратно и, конечно, лучше, чем я. Он нигде не морщился, выглядывал одинаково ровно, белые нитки наружу не выступали.

Валя помогла мне надеть гимнастерку и снова

задумалась. Мне уже больше не хотелось оставаться. И Вале было не до меня.

— Я пойду, — попросил я.

— Феденька, приходи еще. Обязательно. Придешь?

— Хорошо.

Она, может, подумала, что я на нее обиделся. Но я совсем не собирался обижаться.

Она проводила меня до двери. Я вышел на дорогу, оглянулся. Она всё еще стояла в дверях.

Я шел и думал: вдруг наши уже вернулись? Но их не было. Один дядя Вася работал у повозки, ловко обтесывая топором доску.

— Тоскуешь? — спросил он.

— Тоскую…

— На войне вместе — раздолье, а одному — горе…

Наступил вечер. Солнце скрылось за садом, в той стороне, где были разведчики. На небе появились звезды. Мы с дядей Васей сидели в пустой комнате. Он зажег коптилку. Я достал тетрадь, раскрыл ее на чистой странице и стал писать: «Разведчиков нет. Они ушли в немецкий тыл. Мне без них очень скучно. Когда они вернутся, я почищу все автоматы».

Вот так новость!

Начался последний день нашего ожидания. Я сходил на почту, потом отнес в штаб письма и газеты. И вдруг на столе у штабного капитана я увидел на густо исписанном листе четко выведенное слово «Дёмушкин». Капитан улыбнулся:

— Что это тебя заинтересовало?

Я показал на лист:

— Можно посмотреть?

— А, это... Смотри. Мы на твоего старшину представление делали. На орден. Вверх послали. А копию себе оставили. Из дивизии звонили — утвердили представление. Так что быть Дёмушкину с орденом.

Я стал жадно читать:

«Участвуя в наступлении в составе взвода разведчиков, старшина Дёмушкин первым подобрался к огневой точке — дзоту противника и уничтожил ее. Увлекая за собой остальных, он ворвался в траншею противника, уничтожил там два пулемета вместе с расчетами. Достигнув села, разведчики окружили ротный командный пункт, находившийся в каменном погребе. Очередью из автомата старшина Дёмушкин уничтожил

охрану. Спустившись внутрь погреба, разведчики взяли живым командира 7-й роты пехотного полка „Лемберг“ обер-лейтенанта вместе с денщиком.

Представляется к награждению орденом Отечественной войны второй степени».

— Доволен? — весело спросил капитан. — Из ваших Соколовского тоже наградили. Орден Красной Звезды получит.

Это была такая новость! Ноги сами понесли меня к дяде Васе:

— Дядя Вася! Дядя Вася! Пётр Иваныч орден получит! Отечественной войны! И Витя! Красной Звезды! В штабе сказали!

— Давно пора.

Я сразу понял, за что их наградили — за ночной бой. Только там были дзот и траншея. И там наш Сарпахан погиб. Остался бы он жив, его бы тоже наградили…

Ночью я не мог заснуть, лежал и всё прислушивался. Едва рассвело, я быстро оделся и выбежал на дорогу. Я то бежал вперед, то возвращался к усадьбе, боялся, что разведчики придут другой дорогой. Дядя Вася тоже вышел на дорогу и нетерпеливо смотрел, не покажется ли кто.

И вот наконец-то они появились, наши раз-

ведчики. Я со всех ног бросился им навстречу. Разведчики шли медленно, устало, как после тяжелой работы. Я их торопливо пересчитывал. Один, два, три… Все двенадцать были на месте!

— Здравствуй. Заждался? — спросил Пётр Иваныч, когда я подлетел к нему.

— Еще как! Соскучился без вас!

— Теперь скучать не придется.

— Пётр Иваныч, а вам орден дадут! — вспомнил я свою новость. — И тебе, Витя. Я в штабе прочитал.

— Раз в штабе прочитал — дело верное, — сказал Пётр Иваныч. — Письма были?

— Были. Но вам не пришло.

— А сегодня ходил? Нет? Сбегай!

Разведчики пошли в штаб. Доложить Бате, что выполнили задание.

Я схватил сумку и побежал на почту. Так было легко и весело! Всё вокруг такое, будто наступил праздник.

На почте была одна Марина.

— А где Валя?

— Ушла по делам. Скоро придет. Можешь здесь подождать.

Сейчас некогда. Я потом Вале всё расскажу.

Петру Иванычу опять письма не было.

И почему они там, в тылу, не пишут? Вот люди!

Я влетел в комнату сразу же вслед за разведчиками. Они устало сидели, кто за столом, кто на шинели. Им очень хотелось спать. У Яшки был такой вид, будто он боялся, как бы не уснуть за столом и не свалиться на пол.

А Витя взял мыло, полотенце и пошел к колодцу. Я увязался за ним. Он разделся, вытряхнул пыль из обмундирования и хорошо вымылся, вылив на себя два ведра. Потом побрился, подшил чистый подворотничок, почистил сапоги.

— Ну что, пошли? — сказал он.

— Куда?

— Погуляем. К Вале зайдем.

— Пошли, — обрадовался я.

Витя шел легким шагом, будто и не устал в немецком тылу. Он то улыбался, то хмурился.

— Витя, а где вы были?

— Далеко.

— А «языков» брали?

— Без них обошлись. Поважнее дело нашлось.

— А немцев там много?

— Много.

Витя раньше так радовался мне, когда возвращался из разведки. А теперь ему совсем

неинтересно было со мной разговаривать. Он о чем-то своем всё думал. Ладно, он потом мне всё расскажет.

Мы подошли к хате, где жила Валя, вошли в сени. Витя остановился, вздохнул. Я с удивлением посмотрел на него. Он смутился, торопливо расправил складки под ремнем и тихо попросил:

— Иди первым.

Валя сидела на кровати и что-то писала. Она увидела нас, поднялась и шагнула к Вите. Глаза ее радостно блестели. Вдруг она прижала меня к себе и громко поцеловала, будто целый век не видела.

— Валя, наши, наши вернулись! И Вите орден дадут!

— Вижу, что вернулись. Вижу! Какой ты молодец, Феденька!

Витя улыбался и не отрывал глаз от Вали. А она ходила по комнате и всё смотрела то на меня, то на Витю. Такой веселой я ее еще не видел.

— Чего мы здесь стоим? Пойдемте на улицу! — сказала она.

По тропинке к лесу Валя и Витя шли рядом. Витя только на нее смотрел, а она счастливо улыбалась.

Они забыли обо мне. Лучше я пойду к нашим. А

Витя и сам вернется.

Я отстал. Они и не заметили этого.

Нашим вручают ордена

Однажды утром нам объявили: сегодня в семнадцать ноль-ноль будут вручать ордена. Пётр Иваныч и Витя выстирали на пруду обмундирование. У пана Адама нашелся утюг, и они выгладили гимнастерки и брюки. До семнадцати ноль-ноль оставалось совсем немного. А Пётр Иваныч сидел за столом и, по фронтовому обычаю, без зеркала неторопливо брился. Когда я в первый раз увидел, как он вслепую брился опасной бритвой, то испугался: вдруг он порежет себе горло, нос или щеку. Но у него тогда даже кожа нигде не покраснела. С тех пор я перестал бояться и сам помогал ему точить бритву на ремне.

Теперь я думал о другом — как бы не опоздать. Я нетерпеливо смотрел на Петра Иваныча, ерзал на стуле. Но он не обращал на меня никакого внимания, старательно водил бритвой по лицу. Наконец он закончил, погладил чисто выбритые щеки и сказал с довольной улыбкой:

— Порядок.

Мы всем взводом вышли в сад. Сюда сходились

бойцы и командиры со всего полка.

Два бойца вынесли из штаба стол, накрыли его чистой простыней. К столу подошел знакомый штабной капитан с наволочкой, в которой были коробочки с орденами и медалями. Он вынимал их, раскрывал и клал на стол. Ордена и медали блестели на солнце. Я высматривал те, которыми наградят наших. Орден Отечественной войны был один и самый красивый. Орденов Красной Звезды лежало несколько. Значит, и другие бойцы сделали в ночном бою то же, что и Витя, раз их награждают одним и тем же орденом. Но Пётр Иваныч всё равно смелее всех воевал. Были здесь и ордена Славы, и медали «За отвагу» и «За боевые заслуги».

Капитан расставил коробочки и громко скомандовал:

— В две шеренги становись!

Все быстро построились, наступила тишина. Капитан беспокойно смотрел то на двери штаба, то на строй. В дверях показался наш Батя.

Капитан крикнул: «Смирно!» — и пошел ему навстречу. Батя выслушал рапорт, поздоровался с бойцами. Капитан по листу медленно прочитал приказ.

— Старшина Дёмушкин! — первым назвал он

Петра Иваныча. — Награждается орденом Отечественной войны второй степени.

Пётр Иваныч крепким шагом вышел из строя. Батя вручил ему орден, улыбнулся и что-то тихо сказал, видно веселое, потому что и Пётр Иваныч улыбнулся в ответ.

Капитан называл другие фамилии, а я всё ждал, когда же он Витину назовет. Наконец-то!

— Красноармеец Соколовский Виктор Валерьянович. Награждается орденом Красной Звезды.

Витя по привычке расправил гимнастерку под ремнем и подошел к Бате. Батя и на него посмотрел веселыми глазами, вручил орден и крепко пожал руку.

Все получили свои ордена и медали и стали расходиться.

— Витёк, прикрепи, — попросил Пётр Иваныч.

Витя привинтил ему орден как раз под красной полоской. Потом Пётр Иваныч прикрепил орден Красной Звезды к Витиной гимнастерке.

После праздничного ужина, который дядя Вася устроил в честь Петра Иваныча и Вити, разведчики вышли на улицу. Я остался один в комнате, но мне стало скучно, и я пошел искать наших.

Пётр Иваныч, Витя и дядя Вася устроились на последней ступеньке крыльца.

Я неслышно присел над ними.

— Ордена эти неспроста дали, — сказал Пётр Иваныч. — Раз дело до орденов дошло, скоро наступать будем. Да и пора! А то от фронта отвыкнешь и воевать не захочешь.

— А как с Федей быть? — спросил Витя. — Опять мальчишку тащить под пули да снаряды?

— Думал об этом. Капитан Чумин в академию едет. Фёдора с собой прихватит, в Суворовское определит. Я уже говорил с ним.

— Оно, конечно, так… — вздохнул дядя Вася. — Без учения худо ему. И здесь не место. А всё равно жалко. Скучно без Федюшки-то будет.

Я тихонько встал и пошел в комнату. Никуда я не поеду. Спрячусь и тайком пойду на передовую. А оттуда меня уже не отправят.

Часть четвертая
В обороне

Глава первая
Передний край
Артналет

Было еще рано, но мы с дядей Васей уже вовсю работали. Летом, чтобы побольше сделать, надо подниматься до солнца, а то потом, в жару, здорово устаешь, и работа не ладится.

Пётр Иваныч приказал выкопать щель, чтобы разведчики могли укрыться в ней от бомбежек и артиллерийских обстрелов. Место для щели дядя Вася выбрал за хатой, и сейчас я копал с одного конца, а он — с другого.

Все вышло по-моему. Ни в какое Суворовское училище я не поехал. Нас по тревоге бросили на передний край. Всю дивизию. Тут уж было не до меня. Да и капитан Чумин тоже никуда не поехал.

Мы шли ночью очень быстро. В темноте заняли оборону. Чуть свет фрицы пошли в атаку. Но наши их так встретили, что от злости фрицы взбесились. Только пехота одну атаку отобьет, лезут во вторую, вторую отобьет — в третью идут. К вечеру фрицы поняли, что ничего у них не

получится, и стали в оборону.

Наш взвод в бою не был. Я сам слышал, как Батя сказал Петру Иванычу:

«Вы свое дело сделали. За разведку снова к орденам представлю. Если бы не вы, наделала бы эта эсэсовская дивизия бед. Кто знает, где бы встречать ее пришлось».

Вечером, когда бой кончился, Витя привел нас в хату. Впереди поднималась высота, за которой был наш передний край. До него, как говорил Витя, было километра полтора. Слева неслышно текла река, а справа, за дорогой, был хутор, в котором разместился штаб полка.

Только мы устроились в хате, как разведчики стали собираться на передний край. Я хотел пойти с ними.

— А ну-ка иди сюда, Аника-воин! — сердито позвал Пётр Иваныч. — Становись, пятки вместе, носки врозь! Слушай внимательно. Ежели на передний край без спросу полезешь, сразу в тыл походным маршем зашагаешь! Понял?

— Понял.

— Ты — почтальон. Носи себе письма и газеты, исполняй свою службу! И чтоб анархией мне не заниматься! Марш назад!

Мы с дядей Васей остались одни. Немцы всю

ночь стреляли то из пулеметов, то из минометов. К утру стрельба кончилась, и сейчас, когда мы копали щель, было тихо.

И вдруг я услышал свист снаряда. Снаряд летел прямо на нас.

— Ложись! — крикнул дядя Вася.

Я бросился на землю вместе с ним.

Над головой так оглушительно треснуло, будто раскололась сама земля. Воздух ударил в лицо, сбросил пилотку. В черном дыму взлетел песок. Послышался непонятный звук, будто надо мной повис огромный рой пчел и грозно, медленно жужжал, перед тем как наброситься на меня. Жужжание перебивали удары в стену хаты. Осколки! Это они.

Опять снаряд! Еще! Еще!

Я вжался в землю. Стиснул зубы.

Новый взрыв! Сейчас еще прилетит!

Нет. Не летит… Не летит…

Я поднял голову и встретился глазами с дядей Васей.

— Жив?

Я смотрел на него и ничего не мог ответить. В ушах звенело, кружилась голова. Дядя Вася встал, стряхнул с себя землю. Я тоже поднялся. Вокруг дымились глубокие воронки. Стена хаты была

заляпана горелой землей и песком. В ней торчали осколки. Осколки валялись и на траве. Сильно пахло взрывчаткой. Стлался пороховой дым.

— Пронесло вроде, — сказал дядя Вася и вдруг спохватился: — А кони-то как?

Он побежал к сараю и вскоре вернулся довольный:

— Целы лошадки. Привыкли. Понимают, что стоять надо смирно, а не бегать под огнем.

Дядя Вася вытащил из кармана кисет, начал скручивать цигарку. У него дрожали руки. Он стал высекать огонь, но кресало никак не попадало на кремень. Дядя Вася виновато посмотрел на меня и перевел дыхание. Наконец жгут затлел. Дядя Вася прикурил большой затяжкой. А я вдруг плюхнулся на землю и засмеялся.

Из-за высоты появились разведчики. Они торопливо шли прямо по полю. А когда увидели нас, то, точно по команде, глубоко выдохнули.

— Всё в норме? — спросил Пётр Иваныч.

— Целехоньки, — ответил дядя Вася улыбаясь.

— Глядим, фрицы по вас лупят, лупят. Ну, думаем, сейчас врежут в избу! Как, Фёдор, страху-то набрался?

— Федюшка у нас молодцом! — ответил за меня дядя Вася.

— Правильно, — одобрил Пётр Иваныч. — Что за разведчик, который под огнем не побывал? Получай, Фёдор, солдатское образование!

Значит, дядя Вася не заметил, как я испугался?

Фронтовая дорога

Мы с Витей первый раз с передовой шли на почту. Я и без него дорогу нашел бы, но Витя беспокоился за Валю.

Непривычно было идти незнакомой дорогой. Я даже подумал, что мы идем не на Валину почту, а на какую-то другую.

Мы обогнали несколько легко раненных. Они шли без санитаров, кто опирался на винтовку, кто на палку, кто бережно прижимал к груди перебинтованную руку. Значит, где-то недалеко медсанбат. К переднему краю прошли два бронебойщика. Они несли на плечах длинное противотанковое ружье. За ними старательно прошагали в строю новобранцы. Усталые, запыленные бойцы протащили станковый пулемет «максим».

Я запоминал дорогу и все приметы на ней. У поворота на высокой подставке я увидел распятого на кресте обугленного Иисуса Христа.

Такие распятия и раньше встречались на дорогах в этих местах. «Запоминай ориентир», — учил меня Витя.

Справа показалась высота, а на ней — артиллерийская батарея. Уже хорошо были видны пушки. Но когда мы подошли поближе, я рассмотрел, что пушки сделаны из бревен, жердей, тележных колес.

— Ложная позиция, — объяснил Витя. — Военная хитрость. Пусть немецкие летчики и артиллеристы бомбят и обстреливают ее. Настоящие пушки целее будут.

Наконец впереди появилось село. Когда мы вошли туда, я сразу понял, что наши с боем отбивали его у немцев. На месте многих хат были кучи камней и бревен. И тем, которые не совсем разбиты, тоже досталось: где отбит угол, где дыра в крыше, где стена пробита. Одна хата без крыши вся выгорела изнутри. Земля вокруг была в воронках.

Здесь, как и в тылу, вместе разместились склады, мастерские, почта.

Почта занимала самую дальнюю хату. Витя с ходу распахнул дверь, и я увидел Валю. Это была и наша прежняя Валя, и другая. На лице ее не было улыбки. А движения — резкие, торопливые,

точно она хотела быстрее кончить эту работу и уйти отсюда.

— Наконец-то! — сказала Валя, как только мы вошли в комнату. — Вы где пропадали? Места себе не нахожу! Ладно, думаю, Витя занят, но Федя-то прийти должен. Собиралась бежать, разыскивать. Потом передали: живы разведчики, всё у них в порядке. Федя, чтоб такого больше не было! Слышишь?

— Слышу!

— Это я недосмотрел, — виновато сказал Витя. — Не отправил его вовремя.

— Витя, ты уж присматривай за Федей, не давай ему бегать где не надо… А может, знаете что? Переходи, Федя, сюда. Будешь со мной. Работы хватит.

— Нет, — испугался я. — Я с разведчиками.

Надо скорее уходить. А то Валя еще уговорит Витю, а тот Петру Иванычу скажет.

— Уйду я отсюда, — сказала вдруг Валя.

— Куда? — удивился Витя.

— Еще немного подучусь в медсанбате и к вам в полк санинструктором. Не могу здесь больше. Хватит!

— Что ты, Валя! — испугался Витя. — Не делай этого! Прошу тебя!

Я тоже не хотел, чтобы Валя уходила с почты. Она внимательно посмотрела на Витю:

— Ладно, там видно будет.

Письмо Петру Иванычу

Наконец-то Петру Иванычу пришло письмо. То самое, которое он еще в тылу ждал. На конверте был старательно написан обратный адрес: «Красноярский край, Красноярский район, деревня Кустик». Долго же оно добиралось из Сибири. Вот Пётр Иваныч обрадуется! Пока я шел с почты, я несколько раз вытаскивал конверт из сумки, читал обратный адрес, чтобы лучше запомнить, и снова прятал письмо… А Петра Иваныча не было в хате. С самого утра он, Витя и Яшка ушли на передний край наблюдать за немцами. Наши теперь по очереди ходили туда, а в хату возвращались только отсыпаться.

Передний край. Вот где было самое интересное. Но туда мне дороги не было, не пускал меня Пётр Иваныч, и всё. Да еще и Витя теперь следил за мной, и Валя слово взяла.

«Пётр Иваныч говорил, чтобы я туда без дела не лез, — старался я убедить сам себя. — А сейчас у меня дело. Да еще какое! Письмо!»

Я быстро отдал в штабе письма и газеты и осторожно, как в разведке, подкрался к нашей хате, чтобы меня никто не увидел и не задержал. Дядя Вася был в сарае, возился около лошадей. Я юркнул в сени, заглянул в комнату. Петра Иваныча не было. Я выскочил, завернул за угол и помчался к переднему краю.

Я приметил телефонный провод, который тянулся от штаба полка к высоте. Надо держаться его — он обязательно приведет туда, куда надо. Я миновал высоту, побежал по полю. Вокруг стало беспокойнее. Даже воздух здесь был какой-то другой.

Рядом со мной ударилась в землю пуля и подняла полоску пыли. Другая просвистела мимо и взбила пыль. Потом еще несколько… Но я не испугался. Пётр Иваныч учил: ту пулю, которая в тебя попадет, все равно не услышишь, смерть тихо ходит. Раз услышал, что просвистела, значит, миновала, на нее не оглядывайся, делай свое дело.

Я бежал, потом шел, потом снова бежал, а переднего края всё не было. Хорошо, что я догадался держаться провода, а то заблудился бы. Здесь столько было всяких дорожек, что попробуй угадай, какая из них правильная. А спросить некого. Ни одной живой души не видно.

Провод привел меня в лощину. Она вытянулась к переднему краю. В середине она разделялась, и слева я увидел минометчиков. А провод полз вперед. На самом выходе из лощины в окопе стояла пушка — «сорокапятка». Сверху ее укрывала маскировочная сетка с вплетенной травой. Эти пушки всегда воевали вместе с пехотой. Они били по немецким танкам прямой наводкой. Их еще называли «Прощай, Родина». Говорили, что с ними долго не навоюешь — или убьют тебя, или ранят.

Провод потянулся в ход сообщения. Я лихо, по-фронтовому вскочил в него. Впереди спокойным шагом шел боец в полинявшей гимнастерке, с винтовкой на плече. Я пошел за ним.

И тут я увидел санитара. Он медленно шел навстречу и вел раненого. Раненый был в шинели. В правой руке он держал винтовку, а левой — крепко обхватил шею санитара. Небритое лицо санитара было всё в поту. Он то и дело поправлял толстую санитарную сумку, которая мешала ему идти.

В одном месте ход сообщения расширялся. Санитар остановился, осторожно опустил раненого на землю, с облегчением выпрямился и вытер рукой лоб.

Боец в полинявшей гимнастерке подошел к нему. Остановился и я.

— Покурим? — попросил санитар бойца.

— Налаживай.

— Махра?

— Самосад.

Фронтовики всегда делились табаком. И сейчас боец вытащил кисет, санитар — газету, аккуратно оторвал от нее два квадратика. Боец густо насыпал махорки ему, потом себе. Оба быстро и ловко свернули цигарки, закурили. И тут они увидели меня.

— Здоро́во, фронтовичок! — поздоровался боец.

Меня по-разному называли — и почтальоном, и разведчиком, и бойцом… Фронтовичок — тоже неплохо и не обидно совсем.

— Далеко топаешь?

— К разведчикам!

— Ишь какой боевой!

— Боевой-то боевой, — сказал санитар, — а не больно высовывайся. А то вот один высунулся, — он глазами показал на раненого.

Тот сидел на земле, выпрямив забинтованную, без сапога ногу, и осторожно поглаживал ее обеими руками. На бинте были большие пятна крови.

Раненый покачивался всем телом и морщился от боли. Я узнал его. Это был тот самый новобранец, которого я задержал, когда он шел звать нас в баню. От боли он закрыл глаза. Но если бы он сейчас и увидел меня, может, и не вспомнил бы. Теперь я был в форме, с сумкой, совсем другой, чем тогда, гражданский.

— Где его так? — спросил боец.

— Окоп рыл. Вылез бруствер поправить. Пулеметчик немецкий заметил и чесанул.

Боец тяжело вздохнул и еще раз посмотрел на раненого.

— Ну что, пошли, фронтовичок?

И мы с ним зашагали дальше.

Я оглянулся. Санитар взвалил раненого на спину и понес его.

Самый передний край

Ход сообщения кончался поперечной траншеей. Теперь я был на самом переднем крае. Траншея изгибами тянулась вправо и влево. Куда же мне идти?

— Ну, пока, — сказал боец. — Мне, брат, налево, а тебе направо. Топай до самого конца, там и сидят твои разведчики.

Я шел по траншее, видел высокий бруствер, хорошо обтесанные лопатами стенки, ячейки для стрельбы, землянки — и удивлялся. Я раньше думал, что здесь всё по-другому: повсюду воронки, стреляют пулеметы, автоматы, противотанковые ружья, стоит дым и гром. Как в бою.

А здесь всё было так чисто, прибрано, точно не на войне. И тишина кругом. От солнца в траншее было немного душно.

Бойцы с загорелыми худыми лицами лопатами подчищали дно траншеи и стенки, занимались таким знакомым делом, как и мы с дядей Васей у хаты. Их гимнастерки, брюки, уже не раз стиранные, выцвели под солнцем, пилотки накрепко просолились. Попадались изредка и новобранцы. Этих сразу отличишь. И форма у них совсем зеленая, новая, и глаза такие, будто новобранцы о чем-то все время хотят спросить, и работали они не так, как старые фронтовики.

А всё равно чувствовалось, что это передний край, что немцы где-то недалеко. Никто не высовывался из траншеи. Бойцы переговаривались приглушенными голосами, иногда к чему-то прислушивались, и лица их становились настороженными. А мне так хотелось увидеть, где же немцы. Но отсюда ничего не увидишь, а выскаки-

вать наверх нечего было и думать. И сейчас над траншеей посвистывали пули.

Я шел себе и шел, поворачивал то вправо, то влево. Бойцы, занятые своим делом, не замечали меня, но некоторые провожали удивленными взглядами.

— Это что еще за орел-птица? — вдруг услышал я веселый голос.

Я остановился. Надо мной в ячейке стоял боец.

— Здоро́во, земляк!

— А вы разве земляк?

— А как же! По одной земле ходим, за одну землю деремся, выходит, и есть земляки. Это куда же ты скачешь?

— К своим. Разведчикам.

— И мы не чужие. А сумка у тебя зачем?

— Я почтальон.

— Приветы из тыла носишь? Это хорошо. Ежели будет Курилову Николаю Алексеевичу, доставь, будь другом.

Этот боец мне сразу понравился. Ячейка у него была просторная, с высоким бруствером. На дне ее постлана трава, в стенке сделаны углубления, а в них аккуратно разложены винтовочные патроны и гранаты.

— А где же ваша винтовка? — спросил я.

— Ты почем знаешь, что у меня винтовка?

— По патронам видно.

— Точно. Она самая, трехлинеечка. Образца тыща восемьсот девяносто первого дробь тридцатого года. Бьет редко, да метко. И пуля не дура, и штык молодец.

Боец сделал шаг в сторону, и я увидел прислоненную к стенке винтовку с примкнутым штыком. Она была выше меня. Вот бы пострелять из нее! Я еще ни разу не пробовал стрелять ни из винтовки, ни из карабина, ни из ручного пулемета, ни из станкового. Из противотанкового ружья я тоже не стрелял. Но из него мне не выстрелить. У него, говорят, такая сильная отдача, что в медсанбат после стрельбы можешь угодить.

Я встал рядом с бойцом и потянулся к бруствер у. Ячейка высокая, наверное, из нее всё видно, что у фрицев делается.

— Не высовывайся, — предупредил боец, — береги голову. Запасную старшина не выдаст.

— Я пойду, — торопливо попрощался я с ним. А то он еще ругаться начнет.

— Не забывай, захаживай в гости, землячок.

— Приду.

Наблюдательный пункт

За поворотом я услышал хрипловатый голос Петра Иваныча. Я остановился, вынул из сумки письмо, чтобы он сразу увидел его.

Наблюдательный пункт разведчиков был устроен прямо в траншее. Сверху он был накрыт жердями и дерном. На трех железных ногах стояла стереотруба. Она выглядывала в окошко в крыше. Возле стереотрубы были врыты в землю короткая скамейка и сбитый из досок стол. На нем лежала толстая, такая же, как у меня, тетрадь.

Пётр Иваныч сидел у стереотрубы, а Витя и Яшка отдыхали на земле. Пётр Иваныч увидел меня и нахмурился:

— Это еще что такое? Кто разрешил?

— Я вам письмо принес. Вот.

— Подождал бы. Нечего горячку пороть.

И Витя смотрел на меня недовольным взглядом.

— Чтоб этого больше не было! — строго сказал Пётр Иваныч. — Ясно?

— Ясно.

Его взгляд смягчился, и он взял у меня письмо.

— Витёк, понаблюдай пока, — попросил он

Витю и поменялся с ним местами.

Пётр Иваныч внимательно прочитал адрес, и глаза его потеплели. Он оторвал край конверта, бережно расправил листки и начал читать. Глаза его медленно ходили по строчкам. Вот он улыбнулся чему-то, потом задумался и снова заулыбался, потирая небритую щеку.

Пётр Иваныч не торопясь дочитал письмо, аккуратно сложил листки и спрятал в карман гимнастерки. Потом достал трофейный портсигар, свернул цигарку и закурил.

А Витя сидел у стереотрубы, водил ею по немецкой обороне, старался что-то высмотреть.

— Витя, можно? — попросил я. — Немножко.

Он сделал вид, что не слышит, — всё еще сердился, что я прибежал. Но потом смилостивился:

— Садись.

Он подвинулся, и я взобрался на скамейку. Ноги не доставали до земли. Я покрепче вцепился в стереотрубу и прильнул к окулярам.

Между черточками и крестиками на стекле были видны такие же, как у нас, земля, болото, кусты, бугры, выжженная солнцем трава. Но там сидели немцы. И всё это было чужим, не нашим. Вот обозначилась узкая полоска траншеи. В ней что-то двигалось. Мелькнула немецкая каска.

— Хватит, — положил Витя руку мне на плечо, — насмотрелся.

Он снова сел за стереотрубу, взял тетрадь.

— Пётр Иваныч, — сказал он, не отрывая глаз от окуляров, — траншея-то у них не сплошная. Там же болото. Фрица в болото не заманишь. Чистенько воевать любит.

Пётр Иваныч очнулся от своих мыслей:

— Чистенько? Это неплохо. Сработаем чистенько.

О чем они? За «языком» снова пойдут?

А Витя уже будто диктовал самому себе:

— Противник перед фронтом сплошной траншеи не имеет. Оборонительные рубежи — отдельными очагами. Передний край — четыреста — пятьсот метров от нашего. Его огневая система… Ну-ка, система, какая ты? Пулемет в кустах, ага! Посмотрим дальше. Еще один. А, фаустнички! Добычу ждете? Посмотрим, кто кому добычей будет. Вроде пока тихо у них…

— Тишине не верь, — сказал Пётр Иваныч. — Дай-ка я погляжу немного.

Пётр Иваныч сел к стереотрубе, и лицо его стало твердым, глаза — холодными. Он медленно повел трубой влево. Вдруг остановил ее и стал во что-то всматриваться. Все притихли.

— Чего они там шевелятся?.. Так и есть, накапливаются. Эх, пощупать бы их!

— А где? — вырвалось у меня.

— В овраге.

Когда я смотрел, никакого оврага не видел. У Петра Иваныча — фронтовой нюх и особый глаз. Он всегда видит то, чего другие не замечают.

— Минометами бы накрыть их сейчас, — сказал он.

— Я знаю! — закричал я.

— Чего знаешь? — удивился Пётр Иваныч.

— Где минометчики стоят! В лощине! Я видел!

— Верно, в лощине.

— Надо в штаб сообщить, — сказал Витя.

— Само собой, — ответил Пётр Иваныч нетерпеливо. — Но ударить сейчас непременно. Это и Батя прикажет. А то пока разговоры-переговоры, время упустим. Витёк, черкани координаты минометчикам.

Витя присел рядом с ним, заглянул в стереотрубу.

— Видишь? — спросил Пётр Иваныч.

— Вижу.

Витя вырвал из тетради листок и стал быстро писать. Пётр Иваныч взял у него записку, пробежал глазами и протянул мне:

— Держи. Передашь Потапову. Он там, на позиции, — самый главный. И с ходу, без задержки — домой. Понял?

— Понял.

— Бегом марш!

Минометчики ведут огонь

Я зажал записку в кулаке и помчался по траншее. Если бы она теперь стала прямой! Я старался приспособиться к изгибам и бежать как можно ловчее, но всё равно наталкивался на стенки.

Наконец показался ход сообщения. Я побежал еще быстрее.

В лощине минометчики собрались в кружок и мирно разговаривали.

— Кто здесь главный? Потапов? — отчаянно крикнул я.

Минометчики повернули ко мне головы. Один поднялся.

— Ну, я главный, Потапов, — сказал он громким голосом. — Здравствуй, разведчик, что скажешь?

— Вот, — протянул я записку. — Это вам!

Потапов стал читать. Я уже видел его раньше, в тылу, когда он приходил в штаб, и еще раз, когда мы с Витей смотрели, как он минометчиков тренировал в лесу. Он был старшина, как Пётр Иваныч. Такой же высокий. И лицо у него тоже было командирское. Потапов прочитал записку и нахмурился:

— Раз Пётр Иваныч просит, поможем. Мы уж

на всякий случай этот овраг пристреляли. Только нужно начальству доложить. Сейчас на КП позвоню, пусть скорректируют.

Потапов подошел к телефону, который стоял в окопчике. От телефона провод тянулся к траншее. Потапов крутнул ручку и стал говорить, то и дело заглядывая в мою записку. Закончив разговор, он передал трубку бойцу и скомандовал:

— К бою!

Несколько голосов повторили команду. Все бросились к минометам. Их здесь было три, восьмидесятидвухмиллиметровых. Мне о них Витя много рассказывал: и почему они так называются, и как они стреляют, и как называются минометчики в каждом расчете. Витю, когда он в запасном полку учился, зачислили в минометчики, а потом, уже на фронте, он разведчиком стал.

Минометчики приготовились к бою. Наводчики опустились на одно колено у прицелов, заряжающие стали справа, снарядные — позади, у открытых лотков с минами.

Потапов достал из своей сумки блокнот, карандаш, приготовился записывать. Телефонист, плотно прижимая трубку к уху, что-то продиктовал ему.

— По пехоте! Осколочной миной! — закричал

Потапов. — Угломер — тридцать ноль-ноль, заряд основной! Наводить в отдельное дерево. Правее — ноль пятнадцать, прицел — пять — двадцать четыре, пять секунд — выстрел. Огонь!

Его крик подхватили командиры минометов. Наводчик первого, ближнего ко мне миномета прильнул к прицелу, снарядный подал мину заряжающему. Тот плавно сверху опустил ее в ствол и крикнул:

— Выстрел!

И тут будто молотком ударили по железу. Из миномета с громким шипением вылетела мина. За первым минометом свои мины выстрелили второй, третий. Потом всё повторялось и повторялось. Мина одна за другой летели к немцам. Минометчики работали быстро, как тогда артиллеристы в наступлении, понимали друг друга без слов.

Может, и сейчас нужно было помочь кому-нибудь из них? Но они и без меня справлялись. Вся лощина наполнилась криком, шумом и звоном. А голос старшины Потапова перекрыл весь этот шум и звон.

Вдруг он закричал:

— Стой! Записать цель!

Всё стихло. А я чего-то еще ждал.

Потапов подошел ко мне, улыбнулся и пожал руку:

— Спасибо, разведчик.

Глава вторая.
Бомбежка
Рассказ Вити

Мы с Витей были в гостях у Вали. Я рассматривал фотографии во «Фронтовой иллюстрации», а Витя и Валя тихо разговаривали.

— Скажи, Витя, вот ходишь ты к немцам в тыл, в разведку. Неужели страшно не бывает?

— Бывает, конечно. Но я уже привык. Да и не только в привычке дело… Я, когда на фронт ехал, не смерти боялся. А вот как подумаю, что убивать буду, даже в дрожь бросало. Казалось, никогда не смогу. Но как вспомнишь… У нас двор небольшой был. Мы в своем доме жили, рядом — соседи. Как одна семья — дружно, весело. У них девчушка была, пятилетняя Наташка. Веселенькая, пухленькая. Бегу с лекции, она уже ждет меня, на руки бросается. Начались бомбежки — больше всего за нее боялся. Уговаривал ее мать эвакуироваться. Не захотела. Раз прилетели «мессеры» — я в институте был. Стали бомбы бросать. Слышу по разрывам — в нашем районе. Рванулся домой. На месте соседнего дома — развалины. Рядом — куча

земли, и из нее ножка в сандалетке торчит. Ее, Наташкина. Не знаю, что со мною сделалось. Кинулся руками раскапывать — кроме этой ножки ничего не осталось. Никогда не забуду.

Витя замолчал, и я увидел, как вздрагивали его губы.

Валя тоже молчала, опустив голову.

— Вчера видела семью беженцев, — начала она через некоторое время. — Лесом ехали на повозке. Домой, наверное, возвращались. Мальчик вроде Феди впереди сидел, лошадьми правил. Вдруг заднее колесо на мину наскочило. От повозки только перед остался с мальчишкой этим. Лошади взбесились и понесли прямо к санбату. Сестры у себя мальчика приютили. Забился он в угол палатки, глаза неподвижные, никак в себя не придет… Ведь дети же. А глаза как у стариков.

Валя теперь ходила в медсанбат учиться на санитарного инструктора. А потом она вместе с нами на передовой будет.

— На войне они быстро с детством расстаются, — тихо сказал Витя. — Такая уж доля им выпала. Вот и наш Федя… Тоже фронтовиком настоящим стал.

— Фронтовик… — вздохнула Валя. — Фронтовичок — вернее будет.

Валя меня тоже фронтовичком назвала. А всё равно это неправильно. Я уже столько воевал. И вовсе я не маленький.

Когда же я пойду в поиск?

— Не увязнем на болоте-то? Может, маты связать? — спросил Витя у Петра Иваныча.

— Не надо. Двинем по краю, по кустарнику. Там и без матов обойдемся.

— С саперами договорился?

— Порядок. Дают двух саперов. Проход проделают в минном поле и будут ждать на «нейтралке». Подобрали ребят надежных.

Завтра в ночь разведчики пойдут в поиск. Всё это время они не просто наблюдали, а смотрели, где лучше взять «языка». Пётр Иваныч решил подползти по болоту. Оттуда лучше всего подбираться так, чтобы фрицы не заметили.

— Поглядим еще сегодня за «нашим фрицем», — сказал Пётр Иваныч, — как он жив-здоров.

Утро только начиналось. Мы хорошо позавтракали и собирались расходиться: разведчики — на передний край, а я — на почту.

Я шел и всю дорогу думал об этом поиске. Когда же я пойду с нашими за «языком»? Я уже умел и

ползти не хуже наших, и стрелять из автомата, и гранату знал хорошо. На переднем крае меня уже признали настоящим разведчиком, а наши до сих пор считают маленьким.

— Как дела? — спросила Валя, как только я вошел к ней.

Глаза у нее были такие, будто она ждала, что я скажу ей что-нибудь плохое. Я понимал, что ей хотелось узнать не про меня, а про Витю.

— Всё в порядке, — ответил я.

— Ваши все на месте?

— Да.

Вот если бы Вале пожаловаться, что меня в поиск не берут… Но она с разведчиками заодно. Она же сама просила Витю, чтобы меня даже на передний край не пускали.

Валя внимательно посмотрела на меня и отошла к столу с письмами. Она нетерпеливо перебирала их, потом занялась газетами, раскладывала так, будто торопилась поскорее уйти.

Провожаю и встречаю

Разведчики собирались в поиск. Снова мы с дядей Васей останемся одни. Просить Петра Иваныча или Витю бесполезно. И спорить нельзя.

Перечить начальству — только беду накликать, как сказал бы дядя Вася. Я всё старался быть на глазах у Петра Иваныча, но он не обращал на меня никакого внимания, проверял, всё ли у разведчиков в порядке.

Яшка взял плащ-палатку, тонкую крепкую веревку, тряпку и всё это сложил в пустую противогазную сумку. Пётр Иваныч, Витя и Яшка будут захватывать «языка», а остальные их прикрывать.

На улице начинало темнеть. Появилась первая звезда. Пётр Иваныч не спеша поправил ремень, маскхалат, гранаты, посмотрел на часы, потом — на разведчиков. Все присели, и в хате установилась боевая тишина. Пётр Иваныч водил глазами, точно пересчитывал нас. Потом вдруг резко встал и большими шагами вышел из хаты.

Мы с дядей Васей, как всегда, провожали разведчиков. Они зашагали к высоте. И вот уже скрылись из глаз.

На переднем крае было затишье. У немцев изредка бесшумно взлетали ракеты, не часто стреляли пулеметы и автоматы. Казалось, что стреляют они так, для порядка: раз война, значит, положено стрелять.

Я уже привык ночью не спать и долго сидел

с дядей Васей, стараясь представить себе, где сейчас наши. В кустах? На болоте? У немцев? Скорей бы они возвращались! Летом ночи короткие, вдруг они не успеют затемно взять «языка»? Успеют. Про Петра Иваныча говорили, что он — мастер разведки. Да и небо еще было темным. Я несколько раз выходил на улицу, смотрел на передний край и ждал.

Небо на востоке засеребрилось. Потянуло теплом. Теперь всё хорошо было видно. Вот-вот должны были появиться наши… Они! Я еще издалека увидел их и помчался навстречу.

Разведчики с ног до головы были заляпаны грязью. Особенно жирно она блестела на коленях. Лица у всех были серые. Впереди шел «язык», в спину которому Яшка наставил автомат. Немец был в помятой шинели, без ремня и пилотки. Он испуганно втянул голову в плечи и очень напоминал того «языка», которого я первый раз увидел у наших ночью.

Пётр Иваныч, Витя и Яшка с «языком» повернули к штабу, а остальные пошли к нашей хате. Там уже их встречал дядя Вася.

Разведчики устало садились на пол, с трудом стаскивали хлюпающие сапоги, снимали грязные маскхалаты. Дядя Вася относил всё в кухню.

Надо и мне приниматься за дело. Я приготовил место в кухне, снес туда автоматы и стал оттирать их от грязи.

Вернулись из штаба Пётр Иваныч, Витя и Яшка.

— С добычей вас, — поздоровался с ними дядя Вася.

— Спасибо, — устало улыбнулся Пётр Иваныч. — «Было дело под Полтавой».

Я поднял голову.

— До их боевого охранения худо-бедно, а доползли в порядке, хоть измазались как черти, — рассказывал Пётр Иваныч с усмешкой. — В окопе двое сидели. Те самые, которых мы присмотрели. Одного сразу прикончили. Другой, как увидел нас, рот раскрыл, а закрыть не может. А потом как драпанет. Витёк — наперехват ему. Автоматом оглушил. Хорошо, что тревогу поднять не успели.

Пётр Иваныч улыбнулся Вите. А тот слушал его спокойно, как будто не о нем говорили, а о ком-то другом.

Какой у пушек калибр?

Я возвращался с почты. Было весело, точно в праздник. Так удачно разведчики сходили за «языком», взяли его без единого выстрела. И день сегодня такой хороший.

И тут я увидел, как мимо высотки с ложной батареи тракторы тащат большие пушки. Нашим «сорокапяткам» и семидесятишестимиллиметровым далеко до них. У них калибр такой, что, наверное, сразу и не выговоришь. И стреляют они дальше. Зачем их сюда привезли?

Тракторы с пушками остановились у леса. Я свернул к ним. Артиллеристы лопатами начали окапывать свои пушки. Сколько на фронте всем копать приходилось! И пехотинцам, и артиллеристам, и минометчикам, и разведчикам. Если бы всю выкопанную землю сложить в одну кучу, получилась бы огромная гора, до самого неба.

Я подошел поближе к одному из артиллеристов. Он копал щель. Побелевшая от солнца пилотка с жестяной красноармейской звездой и ремень лежали рядом на земле. Это был старый, опытный фронтовик, он копал спокойно и уверенно, как дядя Вася.

Артиллерист увидел меня, выпрямился и спросил с веселым удивлением:

— Ты откуда взялся? Кто будешь такой?

— Разведчик.

— Смотри ты! Разведчик! Из какой же разведки шагаешь?

— За почтой ходил.

Я хотел обидеться на него, но передумал. Он потом к пушке и близко не подпустит. Вот знал бы он, какие знаменитые у нас разведчики, сколько они «языков» приводят, тогда бы по-другому со мной разговаривал!

— А где же твои разведчики? — спросил артиллерист.

— На передовой.

— И давно воюешь?

— Давно.

— Выходит, фронтовик?

— Ага.

«Воздух!»

Вдруг в небе со стороны немцев послышался далекий гул. Он медленно нарастал. Это гудели моторы немецких самолетов. Я давно научился их отличать по звуку от наших, еще с начала

войны.

Глаза артиллериста зло заблестели. Он быстро надел ремень, пилотку.

— Эх, чёрт, не успели! Выдала «рама» проклятая!

«Рама» была немецким самолетом-разведчиком. Она высматривала, где что у нас было, и после нее всегда прилетали их бомбардировщики.

— Воздух! — закричал командир. — Забрать прицелы — и в поле! Рассредоточиться!

Мы с артиллеристом побежали вместе. Он увидел яму и бросился к ней. Я влетел в нее, ударился коленкой о землю, но сгоряча не почувствовал боли. Вслед за нами бросился молоденький боец-новобранец. Он был бледный, с испуганными глазами. Новобранец уткнулся в угол, спрятал голову, передо мной торчала его сгорбленная спина.

Самолетов налетело так много, что они заслонили солнце, все небо. Вот один из них устремился вниз, прямо на нас. Самолет летел к земле огромной злой птицей. Я не мог оторвать от него глаз. Вой и железный свист сверлили, раздирали меня всего. Вдруг самолет выровнялся, и от него оторвались бомбы. Казалось, они упадут точно в

нашу яму, на меня, на артиллериста и молодого бойца. Во мне все тоскливо замерло. Артиллерист схватил меня за плечи и пригнул с такой силой, что я охнул. Он накрыл меня своим телом. Я прижался щекой к шершавой земле, стиснул зубы и зажмурился. Раздался взрыв. Яму тряхнуло. Второй взрыв был еще оглушительней. А третий — еще сильнее. Артиллерист отпустил меня, приподнялся.

Самолеты выли и бросались к земле. Только уж не на нас, а на других артиллеристов, на пушки, на тракторы. Все небо гудело, падали бомбы, грохотали взрывы, летела вверх земля, стлался черный дым.

Потом самолеты стали улетать на запад. А мы сидели и ждали: вдруг они вернутся. Но тяжелый гул моторов всё уплывал и уплывал. Наступила оглушительная тишина.

Артиллерист внимательно посмотрел на небо, вытер тыльной стороной ладони вспотевший лоб и сказал облегченно:

— Улетели, кажись…

Я поднялся. Трудно было держаться на ногах. Кружилась голова, ломило спину. Вместе с нами встал молоденький боец. Глаза его робко улыбались. Из них еще не ушел страх.

Мы пошли по полю. Оно теперь все было в воронках. На траве — отметины огня, резко пахло тротилом, горелой землей.

Самолеты перерыли своими бомбами всю землю возле пушек. Одна из них повалилась набок, лежала неуклюже, огромная и беспомощная. К ней подъехал трактор, и артиллеристы возились с тросом, чтобы поднять ее. У других щиты были побиты осколками и станины повреждены. Артиллеристы со злыми лицами осматривали пушки и ругались. Не зря на фронте бомбежек побаивались. Даже старые фронтовики говорили, что к ним никогда не привыкнешь.

Артиллерист, кивнув на меня, сказал молодому бойцу:

— Мальчишка ничего. Видать, хлебнул фронта… Ну что, разведчик? Был у смерти в гостях и назад вернулся. А глаза-то у тебя не плаксивые!

Я тяжело вздохнул.

— Ну, топай к своим да на небо поглядывай. А рядом будешь — в гости заходи.

Я шел и смотрел в небо. Оно снова было чистым. Видно, самолеты больше не прилетят. Теперь из-за этой бомбежки никакой радости и в помине не было. Пули, снаряды еще можно терпеть. А бомбы страшнее. Сиди и жди, пока по тебе шарахнет.

Глава третья.
Тяжелый «язык»
Скоро и нам наступать

— Пошли «белорусы», — сказал Витя и положил газету на шинель.

На первой странице большими буквами был напечатан приказ Верховного Главнокомандующего командующему 3-м Белорусским фронтом генералу армии Черняховскому. Белорусский фронт начал наступление, освободил несколько городов и много населенных пунктов.

— Как, Витюша, думаешь, нам-то скоро вперед? — спросил дядя Вася.

— В штабе поговаривают, что недолго ждать. Народу в полку прибавилось, танки пришли, артиллерия. За каждым деревом пушка стоит.

Теперь я знал, почему тяжелые пушки появились. Они будут нам помогать в наступлении.

— Дай-то бог. А то вон пехота мокнет, скучает. В грязи в окопах мерзнуть — не сахар.

— Наступление — штука веселая. В обороне сидишь — всякие мысли покоя не дают. Будто воюешь и будто нет. А в наступлении не соску-

чишься! — сказал Витя.

— Далеко пойдем, не слыхал?

— Эх, махнуть бы до Берлина, одним ударом кончить всё!

Витя затянулся самокруткой, выпустил кольцо дыма.

В темное окно стучали крупные капли дождя. Лето еще не кончилось, но погода окончательно испортилась. Порывистый ветер гнал и гнал низкие тучи. Целыми днями моросил дождь.

У нас в хате было тепло и сухо. И сейчас, вечером, мы лежали на шинелях и вели неторопливые разговоры.

Значит, скоро пойдем в наступление. Я и на почте слышал о наступлении и видел, как к нам пополнение шло, как везли на машинах снаряды и патроны.

Теперь и я был при оружии. У меня появился пистолет. Название у него было звучное: двадцатишестимиллиметровый сигнальный пистолет образца тысяча девятьсот сорок четвертого года. Разведчики называли его просто ракетницей. Но «сигнальный пистолет» было лучше. Нам недавно его принесли, и я сразу взял его себе. Пётр Иваныч даже похвалил за это. Я носил пистолет в брезентовой кобуре с ремнем через плечо. Он

стрелял сигнальными и осветительными ракетами. Правда, у него не было прицела и ствол был гладкий, без нарезов. Но и на глаз попадешь, куда нужно. Ракет к пистолету у меня было полно — красных, и желтых, и зеленых. Стреляй сколько хочешь. Я не снимал кобуру с пистолетом с плеча и сейчас тоже был в полной боевой готовности.

Вдруг Витя сказал:

— Споем любимую! Яшка, запевай!

Яшка у нас хорошо пел. А любимая наша песня была про Ермака. Мы ее и раньше вместе пели. Я все слова наизусть выучил.

В комнате стало совсем тихо. Чистым, звонким голосом Яшка начал песню:

Ревела буря, дождь шумел,
Во мраке молнии летали…

Мы дружно подхватили:

И беспрерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали…

Второй куплет мы начали все сразу:

Ко славе страстию дыша,
В стране суровой и угрюмой,
На диком бреге Иртыша

Сидел Ермак, объятый думой.

Что-то крепкое, надежное было в этой песне, как и в самих разведчиках. Песня всё нарастала, становилась громче. Голоса звучали в лад. Мы пели про Ермака, будто про себя песню складывали. Сейчас, как и в песне, шумел дождь, завывал ветер. Разведчики, как и товарищи Ермака, отдыхали после военных трудов. И я отдыхал с ними.

Боевая задача

Вдруг дверь распахнулась, и в хату вошел наш Батя. За ним появились начальник разведки дивизии майор Монастырёв и два автоматчика. Мы вскочили и вытянулись.

Батя по-хозяйски уселся за стол, снял темную от дождя плащ-палатку и остался в затянутой офицерским ремнем телогрейке. Он сильно изменился с тех пор, как я его видел последний раз: похудел, возле воспаленных глаз появились морщинки.

Внимательно посмотрев на Петра Иваныча, Батя медленным взглядом обвел хату, задержал его на мне и снова посмотрел на Петра Иваныча.

— Садитесь! — приказал Батя. — Чем занима-

етесь?

— Отдыхаем.

— Дело хорошее. Но придется прервать это приятное занятие. Обстановка, думаю, вам хорошо известна. На то вы — глаза и уши армии. Не сегодня завтра получим приказ о наступлении. Но чтобы идти со спокойной душой, необходимо иметь данные, которых пока еще нам не хватает. Пояснять дальше не требуется?

— Понятно, «язык» нужен, — спокойно сказал Пётр Иваныч.

— Вот именно. И нужен как можно скорее. Ты у нас на всю дивизию лучший специалист по ночной разведке. Учти: данные нужны не только нам, но и выше. Видишь, начальник разведки к тебе пожаловал. Не каждый день такие гости. Так что не ударь в грязь лицом. Сегодня отдыхайте, как следует отоспитесь, а завтра приступить к делу. Команда на обеспечение ваших действий уже дана. Начальник разведки тоже поможет. Помни, Дёмушкин, сейчас вся ответственность — на тебе.

Беспокойная ночь

Наши уже скрылись в темноте, а я всё стоял возле хаты и смотрел им вслед. Я не боялся простудиться, хоть всю ночь простоял бы под дождем. На фронте меня никакие болезни не брали. Я поеживался от ночной сырости, слушал, как крупные капли дождя стучат по траве, и чего-то ждал. Наконец дождь и ветер прогнали меня со двора.

В хате было пустынно и скучно, как всегда, когда разведчики уходили на задание. Дядя Вася раскладывал возле печки мокрые дрова, которые

мы принесли днем. Несколько сухих поленьев он подбросил в печку. Он для разведчиков топил, чтобы они, вернувшись, смогли обогреться и обсушиться.

Дядя Вася теперь до утра не уснет, будет дожидаться наших. Он сел на лавочку перед печкой, сгорбился, закурил. Его морщинистое лицо было усталым. Как ему, наверное, надоела эта война!

Я сел рядом с ним. Он кочергой помешал головешки и подбросил еще несколько поленьев. Они разгорались медленно, сердито ворчали и вдруг вспыхнули ярким пламенем.

А за окном была глухая темнота, слышалось, как шелестит дождь, как свистит ветер, как на переднем крае редко стреляют. Где сейчас наши? Наверное, уже к фрицам подбираются. Они с «языком» вернутся не раньше чем к рассвету. А так хотелось, чтобы они как можно скорей, сейчас вошли в хату!

Я не выдержал и вышел во двор. Ночь была непроглядно темной. По-прежнему дул сырой ветер, нудный дождь не переставал. Немцы стреляли чаще, чем днем. Пулеметные очереди то вспыхивали, то гасли, проносились цепочки трассирующих пуль.

Вдруг началась трескотня. Стреляли сразу и

автоматы, и пулеметы. Кто это? Неужели наши? У них же не было пулеметов. А может, это по ним стрельбу открыли?

Стрельба кончилась так же внезапно, как и началась. Я всё прислушивался к переднему краю и старался угадать, что же там произошло.

Я дрожал то ли от холода, то ли от нетерпения. Хоть бы дождь перестал! Разве по грязи и по такой непогоде много наползаешь? Да еще небось промокли до нитки. Меня бил озноб, стучали зубы.

В хате по-прежнему было тихо, только трещали поленья. Но стало как-то беспокойней. От огня в печке и света коптилки по стенам ходили тревожные тени. В углах залегла тьма. По глазам дяди Васи я понял, что он тоже слышал стрельбу.

Спать совсем не хотелось. Я еще несколько раз выскакивал на улицу, прислушивался, всматривался в темноту, снова возвращался в хату. Мне не сиделось, не стоялось, и я всё ходил и ходил, оглядываясь на двери и окна.

Неудача

Разведчики вернулись только под утро. Сердито хлопнула дверь, раздались тяжелые шаги. Все были мокрые, с грязными лицами, припухши-

ми, как всегда после бессонной ночи, глазами, посиневшими от холода губами. Плащ-палатки напитались водой, грязь облепила сапоги и маскхалаты, лоснилась на коленях.

Почему разведчики стараются не смотреть друг на друга? Такими хмурыми они еще ни разу не возвращались. Что случилось? Я торопливо пересчитал их. Все двенадцать были на месте. А «язык» где? Неужели они без «языка» вернулись?

Я с надеждой посмотрел на Витю, но он отвернулся к окну.

Значит, наши «языка» не взяли. Раньше они совсем другими приходили: хоть и уставшими, как сейчас, но довольными, сразу набрасывались на еду, шумно рассказывали, что у них было в поиске.

Пётр Иваныч скомандовал хриплым голосом:

— Всем спать!

Разведчики устало стаскивали сапоги, маскхалаты, гимнастерки и, повалившись на шинели, тут же засыпали. Один только Витя все смотрел в потолок хмурыми глазами. Но вот и он уснул. У Яшки мокрый чуб прилип ко лбу и, видно, мешал ему, но он так и не проснулся, что-то неразборчиво бормотал во сне.

Дядя Вася развесил на веревках обмундирова-

ние, пристроил около печки сапоги. От одежды повалил пар. Рядом с разведчиками лежали мокрые автоматы. Надо почистить их, а то ржавчиной покроются. Я потихоньку расстелил плащ-палатку, осторожно снес к ней все автоматы и стал протирать, с тревогой поглядывая на Петра Иваныча.

Он не ложился, сидел у стола, вытянув ноги в мокрых грязных сапогах, и смотрел на разведчиков. Но вот он встал, снял маскхалат и провел рукой по грязному лицу.

— Слей-ка, Егорыч, — попросил он дядю Васю.

Умывшись, он ожесточенно вытер лицо и шею, аккуратно затянул ремень, застегнул ворот гимнастерки и сказал:

— Чего время-то тянуть! Сиди не сиди, а докладывать начальству надо!

Но тут дверь резко открылась, и в хату вошли Батя и майор Монастырёв.

Батя подошел к столу, тяжело опустился на лавку и строго посмотрел на Петра Иваныча:

— Ты что же это, Дёмушкин, про свои дела не докладываешь?

Голос Бати прозвучал недобро.

— Собрался, да сами пришли.

— Узнали, что докладывать тебе нечего, вот и

пришли. Рассказывай, почему провал вышел.

— Вышел… — тяжело вздохнул Пётр Иваныч.

— А ну-ка, подробней! — потребовал Батя.

— Есть подробней. Выставили они пулеметы новые и засаду устроили. Мы заметили, хотели скрытно подобраться, а они шум подняли. Пришлось всех уложить. Подкрепление к ним подошло. Мы отбились гранатами. Дальше ходу не было. Вернулись назад.

Густые брови Бати сошлись над черными колючими глазами.

— Всё? — спросил он отрывисто.

— Всё.

— Та-ак… — протянул Батя. — А с «языком» как быть? У соседей занять? Что генералу прикажешь доложить? Опростоволосился, мол, знаменитый разведчик Пётр Иваныч Дёмушкин, не оправдал надежд. Не может он взять «языка». Не может. Так, что ли?

— Выходит, не может.

— Что? — грозно спросил Батя. — Должен мочь! Нет для тебя такого слова — «не могу»!

Батя перевел дух и заговорил спокойнее:

— Очень важен для нас этот «язык», понимаешь? Начальник разведки в полку днюет и ночует. Сегодня же в ночь отправитесь снова. Еще

раз тщательно всё продумайте и подготовьте. У вас есть что добавить? — повернулся он к майору Монастырёву.

— Поиски идут и в других полках, но ваш участок — самый важный, — сказал майор густым голосом. — С вами пойдет старший лейтенант Тимошенко.

Пётр Иваныч не удивился. Видно, он знал старшего лейтенанта. Это был какой-нибудь знаменитый разведчик из дивизии. У нас в полку старшего лейтенанта Тимошенко не было.

— В общем, старшина, — снова заговорил Батя, — с пустыми руками не возвращайся! Гранатами вы будете отбиваться, автоматами или зубами — дело ваше. Но «языка» мне привести!

Батя посмотрел на спящих разведчиков. Во время разговора никто из них даже не пошевелился.

— Их пока не трогайте, — распорядился Батя. — Пусть получше выспятся. Да и тебе самому не мешает отдохнуть.

Старший лейтенант Тимошенко

Он был очень красивый, старший лейтенант Тимошенко! Высокий, тонкий, прямой. Такого я еще ни разу не видел. Новенькая фуражка с

лакированным козырьком. Новая темно-зеленая гимнастерка, перетянутая блестящим офицерским ремнем с портупеей. Отглаженные синие брюки. Хромовые сапоги.

На груди у старшего лейтенанта сияли два ордена — Отечественной войны первой степени и Красного Знамени. Орден Красного Знамени мне нравился больше всех орденов. И сейчас на нем блестело развернутое знамя с золотистыми буковками «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» переливался шелк красно-белой ленты. Наверное, старший лейтенант сделал что-то необыкновенное в разведке. Пётр Иваныч какой храбрый, а его наградили только орденом Отечественной войны второй степени.

Старший лейтенант выделялся среди наших, быстро ходил по комнате. На его плащ-палатке, тоже какой-то особенной, накинутой на плечи, как бурка у Чапаева, блестели капли дождя. Когда старший лейтенант поворачивался, она красиво развевалась, капли падали на пол и расползались темными пятнышками.

На меня он совсем не обращал внимания. А я смотрел на него во все глаза.

— Пойдем через овраг? — нетерпеливо спросил он у Петра Иваныча.

— Через овраг, — нехотя ответил тот.
— Проскочим?
— Проскочим.
— С боевым охранением договорился?
— Договорился.
— Патронов и гранат побольше взять надо.
— Возьмем.
Старший лейтенант взглянул на часы:
— Поторопиться бы.
— Время еще есть.

Было ясно, что Петру Иванычу не до разговоров. Он о чем-то своем думал.

Витя и Яшка присели рядом со мной. Яшка сказал недовольно:

— И чего вырядился? Как на свадьбу. На дело идем, не на гулянку. Такого сразу приметят.

Я удивленно посмотрел на Яшку. Зачем он так говорит?

Витя молчал, наверное, думал, как Яшка.

Разведчики со старшим лейтенантом ушли. Ночь была пасмурной, как и прежняя. Я снова сидел с дядей Васей у теплой печки и думал о старшем лейтенанте. Почему я раньше не встречал его? Вот вернется он, я подойду к нему, обо всем расспрошу. Если бы еще и подружиться с ним…

А может, Яшка правду говорит? У нас в такой

форме никто в разведку не ходил. Там же нужно маскироваться, ползти, чтобы незаметно подобраться к фрицам.

Нет, всё правильно. Старший лейтенант наверняка не первый раз так в разведку ходил, и сейчас будет все хорошо. Я обязательно дождусь, когда он вернется с нашими.

Незаметно меня потянуло в сон. Глаза сами слипались, голова стала тяжелой. Дядя Вася посмотрел на меня и сказал строго:

— Хватит сидеть! Ложись!

Я не торопился, чтобы он не подумал, что я обрадовался. Сел на шинель, снял кобуру с пистолетом, аккуратно положил рядом, разделся. Я не только укрылся шинелью, но и накрыл ею голову так, чтобы нигде не было ни одной щелочки. Я снова вспомнил старшего лейтенанта, представил себе, как я буду с ним разговаривать, и крепко заснул.

И реке не унести наше горе

Пётр Иваныч сидел за столом, и в его потухших глазах была тоска. Он держал в руках пробитое пулей удостоверение и смотрел на маленькую фотографию, угол которой был залит кровью. Я

стоял за его спиной и видел устремленные на меня с фотографии глаза старшего лейтенанта Тимошенко. На столе, весь в запекшейся крови, лежал орден Красного Знамени.

Витя вполголоса рассказывал дяде Васе:

— Поставили фрицы своего пулеметчика у оврага для прикрытия. Пётр Иваныч как чувствовал неладное. «Давай, — говорит, — в обход проползем». А он свое: проскочим да проскочим. Пётр Иваныч и поддался, сам около него бежал, прикрывал. Но тут фрицы ракеты запустили. Пулеметчик его заметил, дал прицельной очередью прямо в грудь — и всё.

Голос Вити дрогнул, сорвался.

В хате было так тихо, будто здесь лежал убитый старший лейтенант Тимошенко. Даже слышно было, как по стеклу текли капли дождя. Неужели старшего лейтенанта нет в живых? Неужели он больше никогда не придет? Никогда? Я никак не мог представить себе его убитым. А потемневшие лица разведчиков говорили о том, что старший лейтенант был действительно убит.

Наконец Пётр Иваныч закрыл книжечку, положил ее к ордену. Он будто сдерживал сильную боль. Устало поднялся и лег на шинель, сцепив руки за головой.

Рядом с ним сел Яшка. Он растерянно обвел хату взглядом, точно на ее голых стенах искал ответ на какой-то вопрос. Он первый не выдержал тишины, снял пояс с нацепленными гранатами и сказал неожиданно громко, в сердцах:

— Таскаем их, таскаем, а всё без толку!

Пётр Иваныч повернулся к нему с искаженным лицом. Казалось, он сейчас вскочит и сделает что-то страшное.

— Где твои гранаты? — резко спросил он.

— Вот.

— Забирай, пошли.

Пётр Иваныч быстро поднялся и вышел. Яшка растерянно направился за ним. Мне не хотелось оставаться в хате, и я потянулся следом.

Мы спустились к реке. Над ней стояла мирная тишина, как будто на земле не было войны, как будто не был убит этой ночью старший лейтенант Тимошенко.

У самого берега чернела глубокая воронка от бомбы. Пётр Иваныч отошел от нее метров на тридцать, примерился и спокойно приказал Яшке:

— Дай гранату.

Тот неохотно протянул. Пётр Иваныч обхватил ее цепкими пальцами, неторопливо разогнул

усики, вытащил чеку и отпустил рычаг. Раздался щелчок пистолетного выстрела. Яшка испуганно посмотрел на Петра Иваныча. Что Пётр Иваныч делает? Рычаг в руке нельзя отпускать. Он отходит, когда граната уже летит. Только тогда раздается выстрел — это ударник накалывает капсюль-детонатор.

Но Пётр Иваныч всё держал гранату в руке. Потом медленно, очень медленно занес руку назад и неожиданно резко метнул гранату точно в воронку. Едва граната скрылась в ней, как раздался взрыв.

Мы с Яшкой невольно пригнулись. Пётр Иваныч смотрел на воронку и даже не шелохнулся.

— Давай вторую, — сказал он хмуро Яшке, не глядя на нас.

В его руке снова раздался щелчок. Он так напряженно откинулся, точно в этот бросок хотел вложить всю силу, всю ненависть к фрицам. Прищуренные глаза пристально смотрели на воронку, будто в ней затаился пулеметчик, который убил старшего лейтенанта Тимошенко. Я ждал, что граната улетит далеко-далеко, но она упала точно в воронку.

Когда разорвалась последняя граната, Пётр Иваныч устало опустился на мокрую землю.

Мы присели рядом. Снова наступила тишина. О гранатах напоминал лишь запах горелой земли. Пётр Иваныч задумчиво смотрел на чистую воду. Казалось, река уносила и никак не могла унести наше горе.

Двадцать четыре часа

Батя стоял посреди хаты. Сапоги, брюки, телогрейка — всё у него было в грязи. Глаза его гневно сузились. Нет, сейчас это был не наш Батя, которого любили разведчики, а какой-то совсем другой, чужой, беспощадный человек.

Перед ним стоял Пётр Иваныч. Лицо его точно окаменело. Он крепко сжал губы и упрямо смотрел на Батю.

— Где «язык», Дёмушкин? — грубо спросил Батя. — Я тебя спрашиваю, где «язык»?

Пётр Иваныч молчал.

— Где сведения? Где выполнение приказа? — продолжал Батя допрашивать, всё повышая голос. — Из-за тебя полк гробить? Людей? — крикнул он хрипло и изо всей силы ударил кулаком по столу.

Батя зло, нетерпеливо шагал от стенки к стенке. Я весь сжался в углу и не смел пошевелиться.

Батя остановился против Петра Иваныча:

— Чёрт вас всех побери! Ты понимаешь что-нибудь или нет?

Пётр Иваныч еще крепче сжал губы.

Батя отошел к окну и долго смотрел в темноту. Он ссутулился, с силой сцепил руки за спиной, обхватил и сжал ими плащ-палатку. Вдруг Батя резко повернулся и в упор взглянул на Петра

Иваныча.

— Даю двадцать четыре часа, — сказал он жестким голосом, медленно отделяя каждое слово. — Или «язык» будет у меня, или пеняй на себя.

Пётр Иваныч по-прежнему упрямо смотрел на Батю запавшими от усталости глазами и молчал. Рядом с ним стоял бледный Витя, и его глаза тоже были упрямыми. И остальные разведчики молчали, кто опустил голову, кто смотрел в окно или в стенку.

Не глядя ни на кого, Батя вышел из хаты и громко хлопнул дверью.

Иду за «языком»

Совсем стемнело, когда разведчики стали собираться в поиск. На их темных обветренных лицах было одинаково злое, упрямое выражение. Даже у Яшки лицо было таким серьезным, каким я раньше никогда не видел. В Витином лице появилось что-то жестокое, у бровей пролегла глубокая складка.

Я обязательно должен помочь нашим! Я вместе с ними буду! Хватит в тепле отсиживаться. Я тоже пойду за «языком». И никакого разрешения

не надо спрашивать. Петру Иванычу теперь не до меня.

Двадцать четыре часа! Это же очень мало! Хотелось сейчас же броситься на передовую. Я не сводил глаз с Петра Иваныча. А он так же неторопливо, как и прежде, надевал маскхалат, набивал диски патронами, готовил гранаты, как всегда, проверял, хорошо ли разведчики собрались в поиск.

Я тоже стал собираться. Сигнальный пистолет был при мне. Из вещевого мешка я достал ракеты и спрятал за пазуху, чтобы они не промокли. Хорошо бы плащ-палатку надеть, но для меня она велика. Пойду так. Не сахарный, не растаю.

Разведчики ушли, и я постарался незаметно выбраться из хаты. Дождь изо всей силы хлестал меня по лицу, пилотке, гимнастерке. Вода текла за воротник. Холодный ветер кусал руки, пробирал до костей. Но мне было не до дождя. Главное — идти за нашими, не терять их из виду. Глаза быстро привыкли к темноте, и я узнавал места, по которым уже раз бегал к передовой.

Обмундирование мое сразу же всё намокло, набухло, мешало идти. Грязь налипла на сапоги. Они скользили по траве, мокрой земле, трудно было удержаться, чтобы не упасть. Я боялся, что

всё больше и больше отстаю от разведчиков. Злился на дождь и, согнувшись, пробирался вперед.

Наконец мы спустились в ход сообщения. В траншее разведчики повернули вправо, к нашему наблюдательному пункту. Здесь было мало бойцов. Только часовые, завернувшись в плащ-палатки, стояли на своих постах. Стенки траншеи были скользкими, грязь чавкала под ногами. Разведчики растянулись длинной цепочкой. Неожиданно они повернули влево, к немцам.

— Стой, кто идет? — прозвучал впереди негромкий голос.

— Свои, — так же негромко ответил Пётр Иваныч.

Разведчики остановились, сбились в кучу. Я притаился за изгибом.

— Ну, как там? — спросил Пётр Иваныч.

— Тихо, — ответил тот же голос. — Не шумят. Ребята и днем, и сейчас смотрели. Мин не ставили. Только вы правее держитесь, в овраг не спускайтесь. Там один из наших лежит — подбили в пикете. Комбат звонил, приказал в случае чего поддержать вас огнем. Но вы уж постарайтесь потише.

— Где твои?

— Сидят справа и слева. Всё боевое охранение.

— Приготовились, — тихо приказал Пётр Иваныч. — Ползти за мной.

Зашуршали плащ-палатки. Разведчики один за другим выбирались из траншеи. Я переждал немного и там же, где они, выкарабкался наверх, прижался к земле и пополз. Грязь налипала на меня, набивалась в сапоги, я с трудом вытаскивал руки. Потом пошла мокрая тяжелая трава. Она цеплялась за руки и ноги, резала ладони. Было слышно, как капли сыпались с листьев на землю, трава шуршала при каждом моем движении.

Фрицы стреляли редко. Иногда пули пролетали недалеко от меня, шлепались в воду. Справа короткими очередями бил немецкий пулемет. Трассирующие пули светились в темноте. Всё время взлетали ракеты. Их неживой свет медленно тянулся по земле. Тогда я поднимал голову и напряженно всматривался, искал наших. Но они так вжимались в землю, что я не успевал ничего разглядеть — ракеты уже гасли.

Шум дождя заглушал все звуки, и сколько я ни прислушивался, наших не было слышно. Они были где-то правее, впереди.

Я полз, полз и вдруг понял, что потерял их. Они куда-то исчезли, как сквозь землю провалились.

Что делать? Кричать? Звать их? Нельзя. Это же передний край. Немцы близко. Я могу выдать наших.

Я помогу нашим

И тут начал стрелять немецкий пулемет. Слева, совсем недалеко от меня. Он строчил изо всех сил в том направлении, куда уползли разведчики. Трассирующие пули летели за ними в темноту, точно хотели быстрее догнать их.

Это он! Тот самый! Пулемет перед оврагом. Это он убил старшего лейтенанта Тимошенко!

— Стой! — крикнул я пулеметчику что было силы. — Стой!

Что придумать? Быстрее! Он же наших перестреляет. Пусть лучше по мне бьет.

А пулемет строчил и строчил.

Я рванулся к нему. Кобура ударила в живот.

Я выдернул пистолет из кобуры. Достал из-за пазухи теплый патрон и вставил в ствол. Меня била дрожь нетерпения. Я отвел курок назад и поставил на боевой взвод. Направил пистолет туда, где мелькало рваное пламя выстрелов, что было силы обхватил рукоятку и нажал на спусковой крючок.

Резким ударом отдачи руки отбросило назад и вверх. Ракета с шумным свистом прорезала тьму и полетела к пулемету. В ушах зазвенело, зашумело. Запахло так противно, будто весь воздух выжгло порохом. Нечем было дышать.

И тут поднялась катавасия! Мой выстрел точно разбудил передний край. Началась беспорядочная стрельба. Стреляли и наши, и немцы, не поймешь, кто больше. Ракеты одна за другой поднимались в небо. Их свет заливал всё впереди. Несколько наших пулеметов ударили по этому, немецкому, и он замолчал. Начал стрелять другой. Пули с тонким визгом прошли над са́мой головой. Слышно было, как они шлепались в грязь.

Я вжался в землю. И тут услышал новый противный свистящий звук. Он нарастал, и холод прошел у меня по всему телу. Мина! Я еще сильнее вжался в грязь, закрыл глаза и стиснул зубы. Мина разорвалась рядом. Земля дрогнула. Снова раздался противный вой. Звук разрыва оглушил меня. Мокрая земля полетела вверх и хлестнула по спине. Мины, завывая, летели одна за другой. Вокруг визжало и рвалось, летели грязь и вода, свистели осколки.

Немцы накрыли меня огнем. Плохо дело. Пётр

Иваныч учил: нельзя лежать под минометным огнем. Надо броском выходить из-под него. Но впереди были немцы, к ним не побежишь. Надо к своим, назад. Только бы оторваться от земли. Вот сейчас, сейчас…

И вдруг при свете ракеты мина почти рядом со мной попала в убитого бойца. Рвануло с огнем и треском. Вверх полетели рука, кусок гимнастерки. Стало так страшно, как никогда еще не было.

Я вскочил и побежал к нашим. Грязь и вода летели из-под ног. Сердце билось так, что вот-вот готово было выскочить. Я бежал без оглядки, как будто фрицы гнались за мной. Падал, поднимался и снова бежал. Несколько раз над самой головой пронеслись пули.

Наконец я кубарем скатился в траншею. Здесь стреляли, кричали команды, кто-то пробежал впереди. Я кинулся вправо, повернул в ход сообщения, выскочил из него и свалился в какую-то яму.

Я никак не мог отдышаться, судорожно хватал ртом воздух. Стало холодно, сырость пробирала до костей. Закоченели руки, зябли ноги. Я вложил пистолет в кобуру, скорчился, чтобы было потеплей, и сунул руки за пазуху. Они были в грязи, и весь я с ног до головы был заляпан грязью.

Ночь уже перевалила за половину, дело шло к рассвету. Темнота постепенно сменялась туманом. Впереди стала медленно обозначаться серая полоска неба. Надо было возвращаться к себе в хату. Но я так устал, что не хотелось даже шевелиться. А сидеть в яме нельзя, а то совсем замерзнешь. Опираясь на руки, я с трудом поднялся и выбрался из нее.

Я оглядел себя. В таком грязном обмундировании нельзя возвращаться в хату. Рядом была глубокая лужа с отстоявшейся водой. Сначала надо отмыть пистолет. Я разрядил его, хорошенько смыл грязь, вытер подолом гимнастерки и спрятал в кобуру. Умылся и стал отмывать гимнастерку. Вода сводила пальцы. Я только размазывал грязь. Сейчас у меня ничего не получится. Вот вернусь в хату и выстираю с мылом в горячей воде.

Я медленно побрел к хате. Дождь продолжал накрапывать. Капли падали на лицо, за воротник, грязь липла к сапогам. Вода хлюпала в них, намокшая одежда тянула вниз. Сил совсем не было. Я шатался, шел как заведенный, не выбирая дороги, по лужам, по грязи, по траве. Иногда казалось, что я уже давно сплю в нашей теплой хате, а идет кто-то другой. Я останавливался, тряс тяжелой

головой и снова медленно переставлял ноги.

А как же наши? Взяли они «языка» или нет? Вдруг у них снова ничего не вышло? Не надо, не надо об этом думать! Они взяли «языка»! Взяли!.. А если нет, что тогда делать?

Впереди показалась наша хата. Я вошел в сени, остановился. Дверь в комнату была приоткрыта, и мне было всё видно. На лавке сидели дядя Вася и Валя с толстой санитарной сумкой на боку. Напротив стоял Яшка и громким голосом рассказывал:

— Фрицы паникуют, не дают тихо подползти. Рассчитывают опять накрыть своими пулеметами. Но Пётр Иваныч такую хитрость придумал, что мы всё равно бы надули их. Да не пришлось ее в дело пустить. Тот, из пехоты, с ракетницей, на себя всю панику принял, точно сговорился с нами. А мы под шумок в их блиндаж заскочили и тихо сработали. Назад ползем и дрожим, как бы шальная пуля нашего фрица не кокнула. Пётр Иваныч другой дорожкой повел… Аккуратно «языка» доставили…

Я вдруг почувствовал такую счастливую слабость во всем теле, что ноги у меня подкосились, и я опустился на грязный мокрый пол.

